

АНДРЕЙ
ПОСНЯКОВ

ВАТАГА

МЯТЕЖ

Ватага

Андрей Посняков

Мятеж

«ЭКСМО»

2014

Посняков А. А.

Мятеж / А. А. Посняков — «Эксмо», 2014 — (Ватага)

1418 год. Егор Вожников, бывший российский бизнесмен, пожелав обрести необычные способности, оказался в далеком прошлом. Теперь он Великий князь Руси, Ливонский курфюрст и избранный император Священной Римской Империи. После долгих европейских походов, закончившихся установлением протектората над Англией, Францией и Испанией, Егор решил вернуться к жене и детям. Однако в Новгороде, признанной столице новой Руси, начинается мятеж – «худшие» люди восстали против «сильных». Страсти накаляются, и даже над княжеской семьей нависла прямая угроза...

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	24
Глава третья	42
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Андрей Посняков

Мятеж

© Посняков А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Глава первая

Лето 1418 г. Великий Новгород

Бунт

Темно-сизая злая туча, громыхая, нависла над городом, словно огромная, невесть откуда взявшаяся нечисть. Повисла, едва ль не зацепившись нижним краем своим за каменные башни Детинца, глухо, с угрожающим гудом ворочалась, щетинясь синими молниями. Вот одна ударила куда-то на Щитную, угодив в чью-то усадьбу, вмиг заполыхавшую пламенем, и снова сверкнуло – на этот раз над Прусской улицей, аккуратно меж церквями Михаила и Вознесения, – на этот раз, слава богу, угодила в землю, в мокрую от дождя кручу, густо поросшую малинником и смородиной.

На Торговой стороне, в деревянной, с высокой маковкою, церкви Святого Саввы, что близ Московской дороги, перекрывая гром, всколыхнул грозовое марево уличанский набат, поддержанный колоколами других храмов. Не малиновым звоном тянулись ныне, били грозно, заполошно, отрывисто, словно бы кричали что есть мочи:

– По-жар! По-жар! Выхо-ди-и!

Жители ближних усадеб со Щитной давно уже выскочили, едва почуяли запах дыма; услышав набат, к ним присоединились и соседи – с Конюховой улицы, с Молотковой, с той же Большой Московской дороги, что тянулась через весь город, через всю Торговую сторону, от загородного Косого моста до Федоровского ручья, впадавшего в сумрачно-серый, игравший нешуточною волною Волхов.

Мужички действовали споро, не обращая внимания ни на дождь, ни на тучу – город-то деревянный, каменные, почитай, одни стены да храмы; полыхнет – выгорит враз, мало никому не покажется! Вот и торопились – выстроившись в ряд, передавали друг другу кадки с водою из Федоровского ручья, пытались сбить огонь, поливали и соседние ограды, а кое-кто уже лихо раскатывал на пылающем дворе амбары, кои готово уже было вот-вот объять ненасытное пламя.

– Давай, давай, робяты-ы-ы! – надрывно кричал какой-то чернобородый мужик, босой, в разорванной на груди рубахе, как видно, хозяин горевшей усадьбы. – Наддайте, соседюшки, у-ух! Подсобите... Век буду Бога молить! Подсобите!

– Ничо, дядько! – обернувшись, утешил один из парней с багром. – Мастерская-то у ты не сгорела, ага!

– Да не сгорела...

– Вот и выживешь! И избу себе к осени новую сладишь. Домочадцы-то живы?

– Да слава Господу.

– От то-то и оно – слава!

Оба перекрестились, покосились на тучу, еще громыхавшую, еще огрызавшуюся синими сполохами молний, но уже мало-помалу уползавшую за город, на Хутын.

– Слава те, Господи! Кажись, утихает.

– Да и пожар-от – потушили почти! А ну-тко, други, навались! Еще вона, на забор поплескаем. Тяните кадки-то, ага!

– Ох, спаси вас Бог! Ой, горе мне, горе... горе лютее-е-е!

Хозяин наполовину выгоревшей усадьбы в полной растерянности своей не ведал сейчас, что и делать: то ли горевать, что почти все добро пропало, то ли, наоборот, радоваться, что и сам спасся, и семья... да и мастерская вон – целехонька... Крыша едва дымит, ага...

– На крышу, на крышу плескай, мужички! Ох, спаси вас, Господи!

– А как же, дядько?! – Бросив багор, парень – тот самый, утешитель недавний – хлопнул по плечу погорельца. – Ты как звать-то?

– Федот. Онцифера Лютого сыне.

– Щитники вы?

– По столярной части – рамы для щитов ладим.

– Я-асно. – Парень вскинул голову, провожая взглядом уходившую на глазах тучу. – А меня Ондреем кличут. Эх, Федоте, хорошо, что кругом тут люди простые живут, не какие-нибудь там бояре – уж от них-то ты помощи не дождался б!

Погорелец неожиданно засмеялся:

– Да и бояре, я чай, помогли бы – все одно вместе гореть! Боярин ты, аль заморский гость, аль голь перекатная – пожар-от не разбирает, огнищу-то все равно... А ты говоришь... Ой! Паря!

Федот вдруг замолк на полуслове, удивленно хлопнув глазами:

– А не тебя ль вчера на Ивановской площади плетью похотели посечь? Говорят, ты народ подзуживал...

– Нет, не меня, – как-то поспешно отвернулся Ондрей. – Просто похожего. Не знаю уж, кого он там подзуживал. Не меня, верно. Обознался ты, дядько Федот! Обознался...

– Да не мог я... У меня глаз наметан! Да и ты приметен вельми.

И правда, Ондрея-то этого раз увидишь – вряд ли уж и забудешь: сам из себя парень так себе – худоват, сутул, а лицом красив, басен: кожа белая, волосы да борода курчавые, светлые, вот ежели б еще не прыщи да не глаза, нехорошие глаза, недобрые – темные, как у цыгана, из-под бровей сверкают, ровно угли! И говорит... говор-то местный с московским мешает, не «ишшо» говорит, а по-московски – «исчо», не «зацем, поцему», а – «зачэм, почэму» – чужак, верно.

– Ты, я чаю, Ондрейко, не наш? Из каких местов будешь?

– Новгородец я! – Парень, казалось, обиделся, оглянулся нервно, недобрым глазом сверкнув. – Из деревской пятины, ага.

– Из деревско-ой...

– Ой, дядько Федот, глянь-ко! К мастерской-то твоей прошмыгнул ктой-тось! А ну-ка – тать? У ты замок-то заперт?

– Да заперт... был! Вроде... А ну-ка, побегу...

– Вот-вот, побеги, дядько! Побеги...

Снова оглянувшись – большинство соседей, потушив пожар, уже разошлись, лишь некоторые остались утешать погорельцев, – парень проворно подался вслед за Федотом, заглянул за угол...

– А замок-то – целый! – с видимым облегчением махнул рукою Федот.

Пригладив растрепанные, мокрые от недавнего дождя волосы, Ондрей радостно улыбнулся и, подойдя ближе, обнял собеседника правой рукой за шею, левой же... вытащил из-за голенища острый засапожный нож... с силой воткнув клинок под ребро Федоту... Бедолага так и сел замертво, запрокинул голову, устремив мертвые глаза в небо. Ондрей же, вытерев об сырую траву окровавленный нож, глянул на убитого без всякой ненависти и даже с каким-то сожалением покачал головою:

– Пора тебе пришла помереть, дядько Федот. Помереть для важного дела... Да и вообще, слишком уж приметливый ты, много всего помнишь! Помнил... Ну да царствие тебе...

Сунув нож обратно за голенище, Ондрейко перемахнул через ограду и, чавкая сапогами по лужам, зашагал к Большой Московской дороге. Там свернул направо, к ручью, пересек по мостику, выбрался на Пробойную, да, пройдясь, повернул по Ивановской к площади, к Торгу, где на просторной паперти у высокой каменной церкви Бориса и Глеба давно уже тол-

пилися-шумел народ... что убийцу ничуть не смутило. Наоборот, похоже, что этих-то боянов он и искал!

– Гнать! Гнать, говорю, надобно этих проклятых бояр в шею! – забравшись на объемистую двухластовую бочку, в которых обычно поставляли ганзейским гостям воск, зычно кричал невысокого росточка крепыш с простым крестьянским лицом и открытым взором. – Раньше, по старине, как было? Не посадник, так тысяцкие от житых людней бывали – не все от бояр? А ныне что? Из кучи посадников кто из житых?

– Да никого нет, Степанко! – растолкав толпу, протиснулся к бочке Ондрей. – Даже и на уличанском вече и то простого человека не встретишь. На Щитной был один – Федот, Онцифера Лютого сын... ведаете его, люди?

Убийца вскарабкался уже на бочку, отодвинув Степанку чуть в сторону, и, обведя буйным взором собравшихся, снова спросил:

– Ведаете Федота со Щитной?

– Ведаем! – закричал стоявший рядом Степанко. – Федота со Щитной ведаем... Мастер добрый, от наших на уличанское вече пойдет!

– Не пойдет боле, – скинув шапку, Ондрей – или бог весть, как его там по-настоящему звали, – понуро опустил голову. – Убили недавно Федота. От как раз сейчас и убили. Двор, усадьбу пожгли – мол, гроза все спишет.

– Дак ыть и впрямь – гроза! Да ишшо какая!

– Гроза-то грозой, братцы... – оправив кафтан, скорбно покивал убийца. – Одначе, люди – Олекса со Славны, приказчик, Никифор с Рогатицы, с Лубяной Илья да протчие – мне навстречу попались, так они видали, как со Федотова двора тайком тать с ножом окровавленным пробирался.

– Тать? С ножом?!

– Того татя они узнали – мудрено не узнать.

– Говори, паря!!! Кричи, что за тать-то?! Ужо мы ему...

– Тать-то? – выставив ногу вперед, ухмыльнулся оратор. – Да его и вы, братцы, ведаете. Рыжий Илмар Чухонец!

– Илмар Чухонец?!

– Он, он убил. – Ондрейко истово перекрестился. – Одначе убийца – не он!

– Как не он?! – хлопнул глазами Степан.

Собравшаяся у церкви Бориса и Глеба толпа недоуменно притихла.

– А так – не он! Вы что, забыли, чей рыжий чухонец слуга? А?! – Убийца с торжеством обвел взглядом боянов. – Боярина Данилы Божина, вот чей! Того самого, что на место на вече метит! Заместо славного нашего Степанки!!! Единственного от бояр проклятых заступника! Слава Степану!!! Степану Заступнику слава! Его на вече и выберем!

– Слава! Слава! – послышалось со всех сторон площади. – Степанку – на вече! Даешь!

– А боярина Божина, собаку, – в Волхове утопить!

– Верно речете, люди!

Убийца снова обнял Степанку, шепнул:

– Твой враг – теперь и их враг тоже! Так что ничего не бойся, друже! Давай! Народ на Софийскую ведем! Расшевелим гнездища боярские, за все неправды их... ух! К ногтю! В Волхов вниз головою! Там наши ждут уже... Веди, Степанко! Веди!

Однако многие еще колебались, страшновато было вот так вот запросто начинать бунт: за мостом, за Волховом, на Софийской Детинец – укрепления, пушки, – попробуй возьми! А ну как пальнут? А ведь запросто! И что тогда-то?

Ондрейко все стоял на бочке, словно бы высматривал, ждал кого-то... И, похоже, дождался – со стороны пристани, от моста, выплеснулась на площадь группа всадников, чело-

век с дюжину, все молодые парни, у многих кафтанишки странно топорщились – верно, от поддетых кольчуг.

– Люди-и-и-и!!! – взвив на дыбы коня, заголосил дюжий молодец с круглым красным лицом и смешным, картошкой, носом. – Боярин Данила Божин со людищи свои на нас идет! На мосту уже верно... Грозился всех побивать!

– Ах он, гад! – С ненавистью сплюнув, Степанко махнул рукой мужикам: – А ну, братие! Пособите мне на злодея сего, убийца!

– Пособим, Степане! Эх, пособим. Веди нас! Веди!

Толпа всколыхнулась, взревела. Выпрыгнув из седла, краснощекий поспешно подвел коня народному вожаку:

– Веди, Степане, веди!

– Ой, я на коне-то не очень... Ну да ладно – коли уж такое дело пошло... Н-но!!! За мной, люди, за мной!

– Ну вот. – Вынырнув из толпы, убийца со Щитной довольно потер руки и, жестом подозвав краснорожего, негромко спросил: – С рыжим как все прошло?

– Удачно, господине Ондрей. На стрелу взяли чухонца... а потом – в Волхов.

– Надеюсь, никто не видел?

– Да не видел – гроза. А мы Чухонца у корчмы подстерегли, у Детинца...

– Молодцы, молодцы... можете, когда захотите, ага! – Махнув рукой, Ондрей довольно ухмыльнулся и подмигнул: – А ну, пошли, Епифане, глянем – что там да как. Поди, боярина Божина уже и без нас приструнили...

– А нет – так мы подмогнем!

– Цыц! Сколь раз повторять – зазря не высовывайтесь! Тако себе на носу и заруби.

Боярин Данила Божин – невысокий, но ладно скроенный мужчина лет тридцати пяти, с приятным лицом, обрамленным небольшой бородкою и усами густо-каштанового, как и вся шевелюра, цвета, – поплотней запахнул от поднявшегося вдруг ветра синюю суконную однорядку, украшенную витым золоченым шнуром, и, поежившись, придержал лошадь у самого моста через Волхов. Здесь, у белокаменных стен Детинца, боярин чувствовал себя куда более спокойно и уверенно, нежели на той стороне, на Торговой. Здесь, на Софийской, казалось, и стены помогали, тем более – на родной Козьмодемьянской улице, где усадьба... ах, на загляденье усадьба, не хуже, чем у иных на Прусской, не хуже, чем и у великого князя даже, пусть у него и больше, и на немецкий манер – с башенными воротами, с караульней.

Ах, княже, княже... и что ж тебя понесло на московские земли? Москва зла: князь Василий хоть и прищучен, да ведь и придавленная гадина ужалить может. Ах, князь... ну и что – пусть там и чума... так из Новгорода-то ушла, а до иных земель и дела нету...

Божин невольно усмехнулся – это им, новгородским боярам, нету, а князю Егору – императору-курфюрсту Георгию – очень даже есть! Потому что он – князь великий, всея Руси – Руси – государь, а не токмо одного Новгорода или там Москвы. Нет, у всяких русских земель – свои князья, но все князю великому подчиняются, чтят. Пробовали бы взбрыкнуть! У императора Георгия, чай, не только над русскими землями власть – над всей Европою! И оттого Новгороду Великому – один прибыток. Ране через ганзейские корабли торговали, а ныне и свой флот есть, потому как и своя гавань в устье Нево-реки. Потому и морские суда на верфях ладожских заложили, и не одни когги, но и нового манера – каравеллы. Все благодаря князю, правителю умному, на вольности новгородские особо не посягающему: как выбирали раньше посадников да тысяцких – так и сейчас выбирают, и вече заседает по-прежнему, и избранных туда людей государь подчеркнуто уважает, советуется, называя «господа депутаты». Однако другого князя, как в стародавние времена, теперь уж не пригласишь, так-то! Так ведь и не надо другого-то! Князь Егор-Георгий и так всякому мыслящему человеку хорош. Потому что

умный, а хуже дурака на троне разве что недавний мор – черная смерть, что от Новгорода – слава те, Господи! – отошел; на юг, в московские земли подался, и князь за ним следом – земли свои от смерти страшной спасать! На то он и князь, а как же. Князь – государь, помазанник Божий, его слово сердцу Господнему близко. Тем более – говорят, знал князь Егор, как черную смерть унять. Новгород вон пронесло – все благодаря государю! И государыня, княгиня Елена Заозерская, тоже, говорят, умная... себе на уме, крута на расправу – и город, и всех бояр во время отсутствия мужа в кулаке держит. Побаивались княгинюшку в Новгороде Великом, чего уж...

– Господине...

Божин поворотил коня, голову вскинул, увидев перед собой слугу верного, Авраама – парня молодого, но отнюдь не глупого, правда, не такого умного и много чего повидавшего, как рыжий Илмар из Ревеля, приказчик. Ну, так рыжий и постарше лет на семь-восемь...

– Ну что, Авраам, отыскался Илмар?

С сожалением пожав плечами, слуга помотал головой:

– Нет, господине, не сыскался. О том и докладую.

Боярин хмыкнул в бороду:

– Докладает он... Нет чтоб сыскать!

– Везде искали, батюшко! – Обернувшись, Авраам истово перекрестился на Святую Софию. – Даже на Прусскую сбегали и на Федоровский вымол...

– А на Федоровский-то зачем? – удивился Божин.

– Лмар сказал – там какие-то дела. С Федотом со Щитной...

– А! – вспомнив, боярин махнул рукой. – Ну да, ну да – с Федотом. Значит, не закончил еще... жаль. А я хотел его с собой на диспут взять, на Торговую.

– На что, господине, взять?

– Диспут. Ристалище такое, словесное, при народе, – с усмешкой пояснил Божин. – Ну, как в Древнем Риме на выборах в Сенат. Впрочем, ты про это, верно, не ведаешь.

– Отчего же не ведаю, господине? – потрянув пшеничную челкой, неожиданно обиделся слуга. – Чай, грамотен, книжки читаю. А вот Степанко – вряд ли!

– Что – неграмотен, что ли? – Боярин удивленно качнул головой. – Что ж он тогда на вече-то суется? Одних ведь денег там мало, нужны мозги еще...

– Да не дурак Степанко и грамотен, – осторожно перебил Авраам. – Только, я так понимаю, книжки-то читать ему недосуг...

– Знаю, знаю... Он ведь из этих... из шильников, да.

– Из мастеров, господине. Ох, зря мы воинов с собою не взяли. Вдруг да шильники нападут?

– Не нападут. – Запрокинув голову, боярин искренне рассмеялся. – Князь наш за такие дела живо головушку оттяпает!

– Так князь-то, господине, в отъезде – то всем ведомо.

– Экий ты осторожный, Авраам. Не князь, так княгиня в городе – а она на расправу еще больше скоро.

Слуга согласился со вздохом:

– Скоря, конечно... да все одно – баба! А какой с бабы во власти толк? Ох, что-то боязно мне, господине, к шильникам этим ехать. Не за себя боюсь – за тебя, Данила Онфимыч! А вдруг да торговые мужики, шильники эти, что худое удумают? Князя нет, а княгинюшка для них – баба.

– Типун тебе на язык! – всерьез рассердился боярин. – Ладно, в следующий раз человек с полдюжины прихватим, а посеячас... Не домой же возвращаться?! А?

– Да я, господине, и не говорю, что домой.

Поспешно поклонясь, Авраам покусал губу. Щуплый и худенький, востроглазый, парнишка чем-то походил на мокрого нахохлившегося воробышка – вот-вот встрепенется, взмахнет крылышками, взлетит.

– Ты что там? – снова поворотив коня к мосту, Божин проследил взгляд слуги, брошенный на реку. – Знакомого кого увидел?

– Увидал, господине... – Задумчиво покивав, подросток вдруг ухватился за хозяйское стремя и, чуть прищутив глаза, попросил: – А можно я этих парней... ну, там, в лодке, знакомых... попрошу, чтоб, ежели что...

– Что – «ежели что»?! – вконец рассердился боярин. – Не надоело тебе, Авраамий, труса праздновать? Вот перетяну тебя плетью – вдругорядь будешь знать!

– Можешь, батюшко, и перетянуть, – юноша упрямо набычился. – Одначе, пока рыжего Илмара нет... и вообще никого нет... так, выходит, – я за жизнь твою отвечаю!

– Ох ты! Гляди, какой защитник нашелся!

– Так, ежели с тобой, господине, что... так меня же первого... Хоть в бега потом подавайся аль в петлю лезь.

Голос юного слуги задрожал, на серые глаза навернулись слезы...

– Черт с тобой, – подумав, махнул рукою боярин. – Лодка так лодка, делай как знаешь, только быстрее.

– Так я побегу! – Авраам встрепенулся, воспрянул, тряхнул светлой челкою. – Это Федьки рыбника лодка, дружка моего. Я только скажу, чтоб он у моста подождал... на всякий случай... Я быстро, господине... ага...

Придержав коня, Божин вскинул голову, щурясь от вдруг выплеснувшегося из-за тучи солнышка – ясного, жаркого, летнего, такого, от одного света которого, казалось, тают, словно залежалый апрельский снег, все надуманные проблемы и беды.

Словно откликаясь на светлые солнечные лучи, на зов голубого чистого неба, на мосту вдруг невесть откуда взялся народ – хотя только что ни единой души не было! А тут вдруг и мастеровые какие-то набежали, и артельщики-плотники – доски тесаные на плечах, за поясами топоры, – и рыбачки, и всякая торговая мелочь – сбитенщики, пирожники, квасники:

– Купи кваску, боярин! Не пожалеешь – вкусен квасок-от!

– Сбитню, сбитню бери, господине!

– Да ну вас!

Божин отмахнулся, подогнал коня и уже у самого Торга нос к носу столкнулся со своим оппонентом Степанкою! Тот ехал верхом, в окружение толпы простонародья – смердов, мастеровых и прочих «шилльников», как в Новгороде называли всех склонных к смуте простолюдинов, вне зависимости от их занятий.

– А! – Какой-то бледный ликом мужик, сутулый, с темным, пылающим недюжинной ненавистью взором, неожиданно ухватил боярина за полы однорядки. – Вот он, Данилко Божин, кат! Хватай его, люди, хватай!

Тут и Степанко спешился, подскочил с кулаками, ему в помощь налетели и остальные – Божин и глазом не успел моргнуть, как его уже стащили с коня, поволокли куда-то. Кинжал вытащить не дали, бросили наземь да принялись пинать ногами, разбив в кровь лицо.

Боярин пытался сопротивляться – да уж куда там, против столькох-то здоровенных рыл!

– Эй, эй! На помощь!

Авраамка бросился было обратно к Детинцу... да не смог добежать: тот самый, сутулый, с бледным лицом, проворно нагнав слугу, ухмыльнулся, выхватив нож...

– Ой, Господи-и-и! – Испуганно возопив, юный слуга наскоро перекрестился и с разбегу сиганул с моста в Волхов.

Не утонул – вынырнул да к Федоровскому вымолу поплыл ходко.

– Ну и пес с тобой! – Досадливо сплюнув, бледнолицый убийца сунул нож за голенище и, обернувшись, махнул рукой Степанке: – Да хватит уж бить! В реку боярина, в реку!

Так и сделали: раскачали бедолагу Божина на руках да с молодецким посвистом швырнули в Волхов.

– Водяному поклон передавай, хороняка!

– И русалкам не забудь тоже!

Посмеялись, глядя, как сомкнулись над боярином зеленовато-синие воды, золоченные выкатившимся на небо солнцем; Степанко испуганно оглянулся:

– А может, зря мы так?

– Ничего и не зря! – хмыкнул сутулый. – Пуцай знают – вольностей новгородских порушить не дадим! Верно, людство?!

– Так, Ондрейко! Так! Верно молвил!

Судьбой брошенного с моста боярина особо никто не интересовался: выплывет так выплывет, а утонет – туда и дорога, не жалко. Испив сбитню да квасу, Степанко и его разгоряченные сторонники с веселыми криками вернулись обратно на Торговую площадь, там еще покричали малость да разошлись – кто домой, большинство же – на Витков переулок, в корчму Одноглазого Карпа, стригольника и вообще людины подозрительной напрочь. Убийец Ондрейко – или как его там по-настоящему, один черт знает – с тем Карпом приятельствовал, встретились, как родные, обнялись, едва ль не облобызались.

А на Торговую площадь – запоздало! – примчались, прогрехотав по мосту, вызванные кем-то стражи верхом на сытых конях, в немецких, сверкающих на солнышке бронях, в шеломах, в кольчужницах.

– Ну?! – явно любясь собой, подбоченился, сидя в седле, десятник – парняга молодой с усами да бородашкой кудрявой.

Подбоченился, подкрутил усы, на людишек – купчишек мелких да прочую теребень, что боязливо у церкви Бориса и Глеба толпились, – глянул грозно:

– Я вас спрашиваю! Где тут шильники?

– Были шильники, – наперебой загомонили людишки. – Были! В реку кого-то скинули, а потом разошлись неведомо куда. Припозднились вы, робята!

– Какие мы те робята, смерд?!

Гневно погрозив кулаком, десятник заворотил коня обратно и махнул рукой воинам:

– Уезжаем. Неча тут и делать! Эй, малец... – Палец в латной перчатке уперся в грудь торговца пирогами. – С чем пироги-то?

– С капустой, с вязигой, с ревенем, – охотно перечислил отрок.

– Давай-ко с вязигой!

– Пожалте, мои господа, кушайте на здоровьице!

– А вкусны! – откусив, ухмыльнулся десятник. – Ну все, парни! Едем уже.

Загрохотали по мосту через Волхов копыта сытых коней, поехали обратно в Детинец довольные стражи... Позади за ними с воплями бежал юный пирожник:

– А медяхи-то? Медяхи? За пироги-то... у-ум... Хоть пуло б заплатили!

– Я вот те заплачу! – обернувшись, десятник хлестнул в воздухе плетью. – Иди отселя, малец, цел покуда!

– Чтоб вас...

Ловко уклонившись от плети, пирожник побежал прочь да, остановившись на середине моста, с горечью плюнул в Волхов...

...едва не угодив в голову сидевшему в небольшой лодке гребцу – дюжему вихрастому парню. Тот, правда, на плевков внимания не обратил, приналег на весла:

– Куда везти-то, боярин?

– На Софийскую. К Козьмодемьянскому вымолу, – едва отдышавшись, вымолвил мокрый, как курица, Данила Божин.

Мокрый... с подбитым глазом... да хоть живой.

Навалился парняга на весла, поплыли мимо белокаменные стены Детинца, засиял отраженным солнышком седой Волхов.

– Скоро будем, боярин! Вон он, вымол-то.

– Ну, Степанко, ну, ползучий гад, – вовсе не чувствуя холода, ярился Божин. – Ну, подожди-и-и... достану я тебя, смерда, достану! Христом-Богом клянусь!

– Господи Иисусе Христе, и ты, святой Георгий, молю вас слезно, уповаю, упасите мужа мово, великого князя, что на московскую сторону отъехал, от мора страшного, от смертушки черной, людей упасти...

Молодая, очень красивая женщина лет двадцати пяти – тридцати, крестясь, клала поклоны на сверкающие золатыми окладами иконы в красном углу горницы, обставленной изящной резной мебелью – комод, письменный стол с чернильным прибором из яшмы, две лавки вдоль стен, изящное полукреслице. На стене у окна висела гравюра с видом какого-то европейского города, само же окно со вставленными в слюдяной переплет плоскими стеклами было распахнуто настежь, на широком подоконнике в серебряном шандале, исходя ароматным дымком, горела-теплилась свечечка – от мошек да комаров.

На плечи красавицы поверх длинного темно-голубого с мелкими жемчужными пуговицами платья был накинута невесомого желтого шелка летника, расшитый золоченым узорочьем в виде волшебных цветов и деревьев, запястья украшали витые золотые браслеты с камнями, густые золотистые волосы, словно напоенные медом и солнцем, не забраны в косы, не спрятаны под убрус – лишь стянуты тоненьким серебряным обручем, придающим лицу некую значимость и даже аскезу.

– Ах, святой Георгий, прошу, помоги... – В больших васильково-синих глазах женщины вдруг появились слезы. – И, если сможешь, сделай так, чтоб муж мой, Егор-князь, поскорей домой возвратился.

Кто-то осторожно постучал в дверь – красавица даже бровью не повела, так и продолжала молиться, хотя прекрасно все слышала... Но, лишь покончив с важным духовным делом, обернулась, властно сверкнув очами:

– Кто?

– Язм, государыня. Раб твой вернейший – Феофан-стольник.

– Так входи, Феофан, что там за дверьми трешься?

Усевшись в кресло, женщина махнула рукой, красивое лицо ее вдруг как-то сразу стало властным и немного надменным, губы изогнулись в легкой улыбке:

– Ну, Феофан, что скажешь?

– Письмо, государыня!

Стольник – тощий, лет сорока пяти мужичок в длинном, с богатыми шелковыми вставками кафтане нежно-зеленого цвета, пригладив бороду, поклонился, протягивая красавице свиток с желтого воска печатью с двуглавым имперским орлом.

– Тебе, княгинюшка. Верно, от князя.

– От кого же еще? – нетерпеливо сорвав печать, княгиня жестом прогнала стольника и принялась жадно читать вслух: – Милая моя женушка и княгиня Еленка...

Первая же фраза задела красулю за сердце, государыня даже всплакнула, затем еще раз прочла с видимым удовольствием:

– Милая моя женушка... Как ты и как детушки наши, Аннушка и Михаил, не спрашиваю, потому как сам надеюсь вскорости быть... Господи!!! – Княгиня быстро перекрестилась. – Наконец-то! Вскорости... Ох, поскорей бы! Чего там дале? Ага... Наши-то дела идут, слава

богу, неплохо – несколько деревень уже оградили, уже совсем немного осталось, дабы остановить страшный мор. А местные людишки – позабавлю тебя, душа моя, – суеверы страшные, думают, что мор можно передать и самому таким разом от болезни страшной избавиться – от того волнения и мерзости разные происходят, ну так с ними борюсь, и, смею сказать, успешно... Успешно!

Елена вдруг стукнула по столу кулаком с неожиданной злостью:

– И что тебя самого-то понесло?! Нешто людей верных не стало? Ах, князь, князь... – Государыня тут же и успокоилась. – Понимаю... Сердцем не приму, а умом – понимаю. Раз ты великий государь – так за все и всех в ответе. И кому ж с мором бороться, как не тебе? Не поехал бы, что б сказали? Мол, князь великий токмо Новгород да Заозерье свое бережет, да всякие немецкие земли, а до иных, русских земель ему и дела нет! Тако и скажут... сказали бы, коли б не выехал. А от тех слов прелестных и до бунта недалеко. Не простой человек Егорий – князь! Государь! Что ж... одна надежда – скоро приедет. А уж тогда – пир горой закатить! Господи! А у меня и платье-то новое не справлено! В чем мужа встречать буду? В рубище, аки с паперти нищенка? Феофан!!! Эй, Феофан!

– Звала, государыня? – Стольник с поспешностью заглянул в дверь.

– Звала, звала, – улыбнулась Елена. – В городе все ли спокойно, все ль по добру?

– Да, княгинюшка, спокойней не бывает!

– То добре... Акулину-портнику покличь.

– Сделаю, государыня. Караулы на ночь усилить?

– Ты ж говоришь – спокойно все, – княгиня сверкнула глазами. – Аль врешь?

– Да спокойно, спокойно... – истово перекрестился Феофан. – А про караулы – это я так, на всякий случай.

– Какой еще случай... – буркнув, Елена махнула рукой. – Ладно, ступай. На завтра Симеона-владыку в гости позови – пушай к вечеру, на обед, приезжает, обговорим кое-что.

– Сделаю, матушка...

– Какая я тебе матушка?!

– Ой. Государыня-краса, прости мя, глупого дурака...

Княгиня вдруг скосила глаза и прислушалась:

– Прощаю! Это кто там за дверью еще?

– Детушки твои, государыня, – изогнулся в поклоне Феофан. – Покойной ночи пожелать пришли.

– Так что молчишь-то? Зови!

Встав с кресла, Елена самолично подошла к дверям, встречая дородную няньку Матрену. Сына Мишеньку, Михаила Егоровича – большеглазого светлокудрого отрока семи лет, – Матрена вела за руку, дочку же, полуторагодовалую Аннушку, держала левой рукой у груди.

Приласкав и поцеловав на ночь детей, княгиня отпустила всех в опочивальню, сама же задумчиво опустилась на лавку у распахнутого окна, любясь садящимся за частоколом солнцем и с наслаждением вдыхая сладкий запах цветущей во дворе сирени. Эту усадьбу на Прусской улице, невдалеке от Детинца, княгиня прикупила сама, в дополнение к той, что уже имелась – подворье купцов Амосовых, что давно уже перебрались в Холмогоры. Тоже неплохая усадьба, однако подворье, оно подворье и есть – хоть и просторно, да три тысячи воинов едва-едва поместятся, ну, и неудобно как-то – совсем уж по-деревенски. Иное дело здесь, на Прусской, – уж тут-то княгинюшка не поскупилась, устроила все на городской – на ордынский – манер, как и на родине, в Заозерье. С водопроводом, с фонтанами-беседками, с садом – по саду тому павлины гуляли, пальмы в кадках росли, статуи греческие стояли... На статуи те отец Симеон, новгородский владыка архиепископ, не раз с укоризною во взоре косился, главою качал – мол, срамные; правда, зная упрямый да своенравный характер княгини, убрать просить не решался. И правильно делал! Как это – убрать? Этакую-то красоту? Вот – Афина, вот

– Аполлон, ах, какой миленький... а вот Диана-охотница – молодая дева, формами изящными напоминавшая Елене саму себя. Вот он – эталон красоты, на княгиню схожий! Ни арбузных грудей, ни дородства, ни жира – всего того, что на Руси да в Орде до последнего времени за истинную красоту почиталось. Ныне-то уж не так, и сама Елена – стройная, с небольшой упругой грудью, к тому немало сил приложила, и ордынская ханша великая Айгиль – тоже стройняшка молодая, юная даже, волею князя Егора на престол Сарая посаженная. Орда – верный вассал ныне. Пока у власти Айгиль. Князьей поддержкою правит – многие татары не потерпели б на троне бабу!

Золотисто-оранжевое, клонившееся к закату солнце освещало верхушки росших у частокола кленов и лип, отражалось в стеклянных окнах палат и вознесенной над хорами часовенки, сверкало в крытом золотыми пластинками куполе, тянуло через весь двор длинные тени деревьев, амбаров, изб.

Княжеские хоромы на Прусской были выстроены на совесть, сочетая в себе, казалось бы, совершенно различные, никак не связанные между собою черты – русские, рубленые в обло и лапу терема, ордынский, по-восточному изысканный сад, европейские – из красного кирпича – палаты, точно такие же, как в Милане или Аугсбурге. Тут же, на княжьем дворе, располагалась и типография, и бумажная мельница, колеса которой вертела отведенная из Волхова вода, ухотившая бурным ручьем в загородное болото. Рядом с мельницей виднелись арки византийской бани с бассейном и прочими излишествами, тут же стояла банька обычная, русская, топившаяся по-черному, но вполне просторная, с крытой от дождя галереей.

Сразу за частоколом виднелась каменная церковь Святого Михаила, а за воротною – с пушками и неусыпной стражей – башней высились купола Вознесенского храма, недавно перестроенного местными, «прускими» боярами, по своему влиянию и богатству, пожалуй, первыми в Новгороде людьми, обширные и ухоженные усадьбы которых тянулись вдоль всей Прусской улицы, от окружавшего Детинец рва до Проезжих ворот в неприступной крепостной стене, сложенной из белого камня.

– Ах, как на улице-то хорошо, матушка! – войдя, поклонилась Акулина-портниха – пухленькая хохотушка примерно одного возраста с великой княгиней. – Так уж воздух хорош, после грозы, после дождичка-то! Пыль всю прибило, свежесть – красота. А сирень, сирень-то как цветет, госпожа моя! Ой! Что покажу-то!

Усевшись на лавку, Акулина проворно развернула принесенный с собою бумажный свиток с цветными картинками в золоченых рамках и уборым печатным текстом, похвасталась:

– Дом Газтано Сфорцеско из Милана, третьего дня купцы фряжские привезли!

– Третьего дня! – ахнула Елена. – Чего ж ты молчала-то, а?

– Да пока, княгинюшка, то да се – вот из головы и вылетело. – Портниха вскочила с лавки и снова принялась кланяться, словно заглаживая вину. – Ужо, погляди-ко, какое платье шить будем?

– Ой, погляжу! – радостно засмеялась княгиня. – Тот-то сидела тут, думала – в чем мужа любимого, великого князя, встретить?

– Так что тут думать-то, госпожа? – Акулина, не глядя, ткнула рукой в свиток. – Хошь, этот наряд сошью... а хошь – так вон этот, красненький.

– Как-то уж тут слишком уж грудь открыта, – засомневалась Елена. – Да и не идет мне красное; красное – оно чернавам всяким идет. Вот лучше это, голубенькое, с горностаем.

– Голубое-то полнит, госпожа моя! Хоть ты, конечно, и стройная...

– Ничего и не полнит! – Государыня нахмурила брови. – И цвет голубой да зеленый к моим волосам – очень даже. А туфли – вот эти, с золотыми пряжками.

– Синей замши, матушка?

– Синей. Да не зови ты меня матушкой, я ведь тебя помоложе! Да! Забыла у Феофана спросить – что там за колокола нынче гремели... далеко, на Славнее, что ли?

– На Плотницком, моя госпожа, – важно уточнила портниха, неведомо по каким причинам всегда знавшая все городские сплетни. – У Федота со Щитной усадьба от молоньи загорелась.

– Пронеси, Господи, – обернувшись, перекрестилась на иконы княгиня. – Так потушили пожар-от?

– Потушили, госпожа моя, потушили... Правда, Федот, говорят, помер.

– Как помер?

– Зарезанным нашли.

– Царствие ему небесное... Тьфу ты! – сжав губы, Елена пристукнула по столу ладонью. – Опять теребень, шильники, безобразят, не всех еще татей выловили. Инда надо Микаилу, тысяцкому, указать и посадникам – Василию Есифовичу, Алексею Игнатьевичу, Ивану Богдановичу – всем!

– А...

– А буде будут волюнку тянуть – мы с ними сами разберемся... И с шильниками, и с посадниками. Феофан! А ну, зайди-ко.

Скрипнув дверными петлями, стольник тут ж застыл на пороге в позе «чего, ненаглядная госпожа, изволите?». Изогнулся, словно уж, глаза прищурил сладенько.

– Посадников завтра тоже пригласи, не забудь, – приказала княгиня. – И тысяцкого Микаила. Ну, что стоишь-то? Иди. Видишь – мы делами тут заняты.

– Вижу, государыня, токмо... – Феофан замялся, – думаю: доложить или уж, на ночь глядя, не стоит?

Елена милостиво кивнула:

– Ну уж говори, говори, коли начал. Пришел кто с делом каким?

– Пришел, госпожа. Данила Божин, боярин, на шильников поганных с жалобой. С моста его нынче скинули, едва не убили – вот и похощет к ответу обидчиков.

– С моста, говоришь? Ай-ай-ай! Непорядок... Постой! – Что-то вспомнив, княгинюшка вдруг привстала, сверкнув глазами синими. – Это не тот ли боярин Божин, с Козьмодемьянской, что до сих пор на своей усадьбе выгребные ямы зловонные на трубы не заменил?

– Да он вроде заменил, моя госпожа.

– Ах, вроде? А ну, давай-ка его сюда. Посмотрим, повыспросим... верно, Акулина?

– Угу, угу, – оторвалась от миланского каталога портниха.

Боярин Данила Божин, в красном, с желтыми витыми шнурами, узком ездовом кафтане – чюге – и зеленых юфтевых сапогах, поклонился с порога низенько, едва в ноги не бросился, шапку соболью к груди приложив:

– Спаси, княгинюшка-госпожа! На тебя одну и надеюсь – совсем обнаглели шильники, а вожак их – Степанко, тот самый, что на вече похощет, шпынь! Ну, настали времена – по городу ни пройти ни проехать. Жалобу в княжий суд я уже составил, вот...

– Ты погоди с жалобой, боярин. – Елена нехорошо прищурилась. – Скажи-ка лучше, ты канализацию на усадьбу свою провел?

– Ка-на... – озадаченно заморгал визитер.

Княгинюшка ухмыльнулась:

– Ой, только не говори, что ты латыни не ведаешь.

– Да ведаю, высокородная госпожа...

– Так когда проведешь?

– А... скоро. Я уже и трубы закупил, хорошие трубы, ордынские...

– Ну ладно, ладно, не хвались, – милостиво расхохоталась государыня. – Я ж не корысти ради – вон у нас, в Новагороде, почти всю клоаку закончили – оттого и мор на убыль пошел!

Почти не стало мора-то! А в московских да протчих землях не так – вот там и мрут как мухи. От грязи, от непотребства все!

– Так то, говорят, Божья кара... – вставила слово Акулина.

Княгиня скривила губы:

– Может, и Божья. А может, и человеческих рук дело. Врагов у нас, что ли, мало, завистников? Вон, хоть Софью Витовтовну, змею подколенную, взять... Сидит в монастыре, хоть и заточенная, инокиня, а козни строит – мне ли не знать? Жаль, жаль, муж мой не дал мне с поганкой этой по-своему поступить... Добрый князь Егор человек, добрый! Иногда даже слишком. Ладно, приедет вскорости – разбираться начнем. Ты что стоишь-то, Божин? Давай свою жалобу.

Боярин поклонился, протянул свиток:

– Благодарю, что соблаговолила принять, княгиня великая!

– Так что ж не принять? – пожала плечами государыня. – Тебя, я чаю, чуть живота не лишили – а то княжьего суда дело, наше, а не уличанское. Да не беспокойся, боярин, разберемся во всем, дьяки у меня добрые, а уж палач – так и вообще!

– Говорят, он вирши красивые сочиняет? – на всякий случай улыбнулся жалобщик.

Княгинюшка хохотнула:

– Говорят... нет, в самом деле – вирши хоть куда! Послушай-ка, Божин... ты в карты играешь?

С некоторым, тут же отразившимся на лице, смущением боярин поскреб затылок:

– В кости, грешен, играю. А в карты, увы...

– Ничего, мы тебя научим. – Елена потерла руки. – Просто совсем играть-то, увидишь. Мы с Акулиной в паре, а тебе Феофана кликну. Сыграем!

– Стало быть, сыграем, великая госпожа!

– Только мы, Божин, на самоцветы играем, – тасуя колоду, честно предупредила княгинюшка. – Ну, или на жемчуга. Есть у тебя жемчуга-то, боярин?

Визитер ухмыльнулся, осторожно потрогав подбитый шильниками глаз:

– Да как, государыня, не быть-то! Чай, слава Богу, не нищенствую. Только это... с собой-то нет, не таскаю.

– Понимаю, что не таскаешь, – раздавая карты, покивала государыня. – У меня займи, я сегодня добрая – супруг письмишко прислал. Скоро явится! Феофан! Эй, Феофане! Ты где там запропастился?

– Тут я, матушка.

– Опять – матушка? Да сколько ж можно уже говорить-то? Свечки с собой прихвати – темнеет уже изрядно.

К себе на Козьмодемьянскую боярин Данила Божин вернулся только к утру, ободранный как липка, даже кафтан и тот проиграл и еще много чего. А все азарт, азарт проклятый! Что и говорить, сам кругом виноват, нечего было на Феофана рассчитывать, да и занимать бы не следовало.

– Отворяй! – Подъехав к усадьбе, Божин спешил и велел сопровождавшему его слуге что есть силы молотить кулаками в ворота. – Отворяй, говорю! Да спите вы там, что ли, все?

Залаяли на подворье псы, загремели цепями; в расположенную недалеко калиточку на ременных петлях выглянул заспанный привратник:

– Кого еще там не... Ой! Боярин-батюшко! Посейчас, посейчас, отворяю... Может, кваску?

– Неси! Да не в терем, в людскую. Боярыню будить не стану – пушай поспит еще.

Ярился боярин, волком вокруг посматривал, так ведь правда и есть – что за день такой выдался? То в реку с моста скинули, едва не утоп, то вот потом – в карты проигрался... Ох, княгиня... змея... не зря ее в Новгороде побаивались поболее князя.

– Батюшко, тут с вечера немец мастеровой дожидается – трубы класть. Мы ему в гостевой постелили...

– Трубы? – взглянув на слугу верного, Божин расхохотался. – А не мои они теперь, трубы-то. Княгинюшке нашей я их проиграл. Ох-ох, грешен... Да не так горько, что проиграл, пес-то с ними, – так ведь теперь сызнова в Сарае заказывать, а то морока, время.

Слуга тряхнул бородой:

– Так, может, и не заказывать, боярин-батюшко? Просто обратно их у княгинюшки нашей выкупить? На что они ей, трубы-то, да на Прусской они никому не нужны, так уж давно все проведено, сделано.

– Выкупить, говоришь? – Допив квас, боярин поставил кружку на стол и задумчиво посмотрел на слугу. – И то дело – денег, чай, хватит. А не хватит, так можно оброк повыше поднять... В земляцах моих в Шугозерье тьма кромешная, глушь – чего смердов жалеть-то? Куда они оттуль денутся-то?

– Верно, верно, господине. – Слуга с готовностью затряс бородой. – Оброка того и на трубы хватит... да ишшо и останется!

Божин повеселел, велел принести еще квасу, да не простого – хмельного, душу порадовать. Инда молодец, славно с оброком придумал, право дело, славно! Давно нужно было его поднять, оброк-то, и впрямь – ни половники-смерды, ни холопы, рядовичи, закупы никуда не сбегут – некуда! Лесища кругом, болота – одному-вдвоем не прожить, а на боярской дальней усадьбе все ж и народ, и запасы на случай неурожая, и воины – какая-никакая защита. Не-е, не сбегут... не должны бы. И пушай оброк больше смолой платят, дегтем – продать мастеровым на конец Плотницкий всегда можно с прибытком изрядным. А на доходы... дети подрастут – в университет их отправить, в Прагу или Литву; пока еще в Новгороде-то свой откроют, хотя давненько уж строить начали, вот-вот и готов бы – да князь великий в землю московскую с мором бороться отъехал, а княгинюшке, похоже, до университета и дела нет... ну, по крайней мере, не так, как князю Егору.

Размечтался боярин, повеселел, тут и солнышко за забором блеснуло, поднялося, выкатилось над хорами, осыпало златом сусальным кресты на маковках храмов – меньшего, Святого Саввы, и большего, Козьмы и Демьяна. Ой, надо бы зайти – помолиться всем семейством. И в карты больше в княгинюшкой не играти – ушлая больно! Ишь ты, удумала – Степанку, гада, судить! Да не судить таких татей надобно, а в Волхове топить без всякого суда и следствия! Мххх... ну, сволочуга гнусная... ничо, еще посчитаемся! Нет, ну надо же так угодить: вместо дебатов – в реку! Хорошо, не утоп, помог парень-рыбник, что в лодке... Господи! Авраамке спасибо сказать – он же с лодкой распорядился... или не говорить? Для простого слуги, челядина, в боярской благодарности не много ли чести будет? С другой стороны, мало их осталось, челядинов, как и холопов. Указом княжеским всех рабов велено постепенно на ряд – договор – перевести да платить исправно... хорошо, хоть не монетою звонкой, не златом-серебром – хлебом-яствами-едою можно.

Подумав, Божин все же собрался было подозвать управителя-тиуна, чтоб тот Авраамку кликнул, да не успел – юный слуга уже сам собою на пороге нарисовался, возник дрожащей невесомой фигурой – боярин аж вздрогнул:

– Ты, Авраамка, словно тень ходишь. Я что, тебя позвал уже?

– Не, боярин-батюшко Данила Петрович, не звал. Сам я.

– Сам?! – Боярин гневно вскинул брови – не хватало еще, чтоб челядь сама, без зова, являлась!

– Как посмел? Совсем страх потерял, пес?! Ужо, посейчас велю плетей...

– Не надо плетей, боярин-батюшко! – в страхе бухнулся на колени слуга. – Не вели бити, вели слово молвити!

– Красиво говоришь! – непритворно восхитился Божин. – На Торгу нахватайся, поди?

– Тамо...

В серых глазах коленопреклоненного отрока сияли такое неподдельное обожание и преданность, что не у каждой собаки увидишь! Данила Петрович аж умилился, махнул милостиво рукою:

– Инда продолжай – чего хотел-то?

– Тут человек один приходил вчерась, сразу после вечерни. Ондреем зовут, говорит, Ивановского-ста гостя приказчик.

– И что хотел? Продать чего, аль купить, аль серебришка занять? Да не валяйся ты на коленях, аки червь, встань!

– Он про Степанку говорил, господине, – поднявшись на ноги, поклонился слуга.

– Про какого Степанку? – Божин поначалу не поверил, переспросил.

– Про того самого, – уверенно пояснил Авраам. – Грит, Степанко тот завтра... сегодня уже, после обедни сразу в корчме Одноглазого Карпа, что на Витковом переулке, будет. Чернь словесами прельщать!

– Так-так... – Боярин задумчиво скривился. – Прельщать, говоришь? Витков переулок, это на Славенском...

– На Славенском, господине. Меж Ильиной и Нутной. От Торговой площади недалече.

– Да знаю я... Вот что, Авраам. А ну-ка, покличь мне сюда парней. Поздоровей которых – Федьку Косого, Игната... ну, сам ведаешь, кого.

Степанку приволокли к вечеру. У корчмы Одноглазого Карпа и взяли, как доброхот Ондрей присоветовал. Пока хватали да волокли – нос расквасили, да никто за бедолагу и не вступился, правда, и кричать ему особо не дали – боярина Божина стражи людишки опытные, знали накрепко: ежели уж кого имать-хватать, так зачем же ему кричати? Не дали, рот иматому заткнули накрепко да, притащив, перед боярином отчитались:

– Как ты велел, господине, в амбар того шильника Степанку кинули! Велишь пытать?

– Велю! Да что там – велю? Самолично пытать буду! Ну, гадина ядовитейшая, попался ты наконец!

Смачно сплюнув, боярин потер руки и с ухмылкой спустился с крыльца, направляясь через весь уможенный дубовыми плашками двор к дальнему, в стороне от других, амбару – пытошной.

На Виткове переулке, в вытянутой, словно рыбный пирог, корчме Одноглазого Карпа так же вот, к вечеру, собрался народ. Все свои пришли – стригольники, верой старою да мздоимством церковным недовольные. Собрались, пива-медку испили да взялись за свое – клир церковный ругати.

– Пастырей по мзде поставляют, – вскочив на лавку, грозил, неведомо кому, кулачищем дюжий мужик в распахнутом на груди добротном кафтане и с пегой всклокоченной бородой. Все звали его Никита Злослов и слушали с явной охоткою.

– Рази то истинные пастыри наши, по мзде-то поставленные, к богатству земному алчные? – сверкая темными очами, грозно вопрошал Злослов. – Таких и у папистов полно было – так в многих немецких да чешских землях их коленом под зад. Свою церкву устроили – справедливую, честную, сам профессор Ян Гус народ свой в том накрепко поддержал! Тако и нам надобно сделати.

– Верно, верно говоришь, Никита! – выступил вперед дотоле незаметно стоявший у стеночки сутулый мужик с белым прыщеватым лицом и смурным взором – давешний убивец несчастного Федота со Щитной.

– А-а, – обернулся к нему Злослов. – Ондрей! Давненько тебя не видали. Что – послушать зашел?

– Не токмо. – Убивец покривил тонкие губы. – Весть дурную принес вам, братие. Боярин Данилко Божин человека достойного, Степана нашего, имал! Пытать похочет да смертию казнить лютою.

– Это как это – пытать? – возмутился Никита. – Без суда? Без следствия? Вот так запросто взял – и схватил?!

– Так у Данилки-то брате родный – обители Хутынской игумен! Тоже, грят, по мзде, не по правде, поставленный, – подбоченясь, пояснил Ондрей. – Вот и разошелся Данило – что хочет, то и творит, поддержку, гад, чувствует.

– Да все они заодно! – сказал Одноглазый Карп – мужик вертлявый, с лицом продолговатым, желтым да с выбитым в давней кабацкой драке правым глазом. – Сегодня Степанку, а завтра и любого схватят, пытать удумают!

– Вот-вот! – заскрипел зубами убивец. – Будем ли терпеть тако, братцы? А то сил у нас нету, что ли? Доброго человека из беды выручить, от смертушки страшной спасти! Боярин Божин на Козьмодемьянской живет, там у него хоромины, кровью да потом чужим нажитые. Думает Данилко – спрячется за забором своим, усидит... Ан нет, шалишь, брат, шалишь!

– Идем, идем, братцы! – Корчмарь с готовностью махнул рукой. – Забор Данилкин порушим, ослобоним безвинного, а боярам – пустим красного петуха, за все, за все рассчитаемся!

– Верно говоришь, Карп!

– Так как, идем, Никита?

– Идти-то – идем... – пригладив бороду, Злослов обвел соратников долгим задумчивым взглядом.

Потом, почему-то усмехнувшись, покосился на Карпа:

– Я чай, человеце, у тя и оружие какой-никакое есть? Нам хучь бы вилы, да сгодились бы и мечи.

– Мечей нет, есть копыя, рогадины, – тут же закивал корчмарь. – А буде понадобится – так и пороховое зелье сыщу!

– Вот так Карп! – восхищенно воскликнули в углу. – Вот так Одноглазый!

– Давай, давай, Карпуша, свои рогадины. И зелье пороховое давай!

– Ужо покажем Божи́ну, како людей хватати!

На Торгу, на паперти у церкви Бориса и Глеба, неведомые людишки тоже подзуживали народ, противу бояр подбивали; да не надо было и подбивать особо, боярские-то неправды всем давно надоели хуже горькой редьки.

– Хоромины себе строят, скоты, а нам и жить негде!

– С оброчными людьми, с половниками, всякие неправды творят!

– А на усадьбах их дальних что деется? В Обонежской пятине да в Деревской один закон – сила боярская.

– Да чернецы Святой Софии тако же лютуют! А еще Божьими людьми зовутися!

– Боярину нынче любой другой – тьфу! Обнаглели, поросычае семя!

– А детищи, детищи их соплёносые, стаями, аки псы, сбиваются, у Козьмодемьянской уж ни конному, ни пешему не пройти! Девок житых хватают, портят, глумы да толоки устраивают!

– Ужо мы им покажем глумы!

– На Козьмодемьянскую, братие! За вольности новгородские постоим!

Чуть поодаль, у Ивановской церкви, другие речи вели – чтоб купцам, торговому люду, по нраву.

– Забижают бояре торговлишку, все в свои руки жадные прибрать норовят!

– Третьего дня на Московской дороге торговых гостей ограбили боярские люди!

– Да что там – третьего дня?

– Волки они дикие, а не бояре! Ни креста на них нет, ни закона!

– А князь, князь-то куда смотрит? Неужель не ведает?

– Да князю до наших дел... К тому ж он в московитские земли подался. А княгинюшка та еще змея, то всем ведомо!

– На Козьмодемьянскую, братцы! Покажем, кто во граде хозяин!

– Да что на Козьмодемьянскую? На Прусскую надо идти – тамо, тамо самый рассадник!

Как-то само собой вроде бы возбужденная прелестниками толпа вдруг разбилась на отряды – появились и рогатины, и арбалеты, мечи, а в небо взвилось вдруг шелковое синее знамя с вышитым серебристыми нитками образом Святой Софии. Зачинался мятеж. Едва вооруженные люди показались на мосту у Детинца, в крепости тут же затворили ворота, а чуть погодя ахнули пушки. Ахнули запоздало – большая часть мятежников уже успела пройти на Софийскую и теперь растекалась вокруг неприступного кремля, подобно талой воде теплой весною.

Штурмовать крепость охотников что-то не находилось, иное дело – пограбить боярские усадьбы на Неревском да Людином концах, на той же Козьмодемьянской, на Прусской, на Чудинцевой...

Усадьбу боярина Божина разграбили враз – освободили несчастного Степанку; впрочем, очень быстро никому до освобожденного и дела не стало, да и боярина никто особенно не искал – к чему? Когда тут белотелые сенные девки одна другой краше, когда богатства – не счесть... Кто-то в хоромы полез, кто-то похватал девок, некоторые уже тащили мешками боярское серебро, возами вывозили сундуки да шубы.

Столь же быстро пали и все другие усадьбы на Козьмодемьянской, мятежники не пощадили и ближний Никольский монастырь, женский – «тамо житие боярское»! Ворвались с криками, с посвистом молодецким, шалея от безнаказанности и собственной воровской удали.

– А вона девку, девку лови! Видать, боярышня... Ах, посейчас попробуем – сла-адко!

Несчастных дев пускали на круг, шалили страшно, грабили, крушили все, что попадалось под руку, только что не жгли – боялись пожара. Город-то деревянный – враз запылает, сгорит!

Пала Козьмодемьянская, и Никольская обитель пала, лишь на Прусской вышла заминка: там не заборы – частоколы, да и народу оружного на усадьбах в достатке. Да и посадники, тысяцкие опомнились, на Святой Софье в набат ударили, спешно выстроили дружину да ополчение, задачу указали прямую: перво-наперво окружить противников да помощь им с Торговой стороны не пропустить, на Волховском мосту стоять крепко.

Так вот и вышло, как и раньше бывало: Торговая сторона – против Софийской, простые, житьи, люди – против боярства да клира. Так и ране бывало, да... да токмо давно уж новгородцы друга на дружку, как в старину, идти побаивались – князь великий за то карал прежестко! А ныне нет князя... а княгиня что... баба – она баба и есть.

Ударил, поплыл над городом набат, заухали пушки.

– Господи! – взобравшись на воротную башню, перекрестилась княгиня. – Это что ж такое деется-то? Мятеж, мятеж... ох, лихо!

Темнело, и с башни хорошо было видно разгоравшееся на Козьмодемьянской зарево – видать, кто-то все же поджег чью-то усадьбу, а может, и не поджег, может, по глупости обронил факелок.

Вот целая группа таких факелов – с двух сторон! – подошла к воротам усадьбы.

– Отворяй! – закричали. – Мы к вам, вои, ничего плохого не имеем – током княгиню лютую выдайте!

– Это почто же я лютая-то? – услышав такое, остервенела Еленка.

Закусила губу, волосы пригладила, к воинам обернулась:

– Фитилек-то зажгите кто-нить...

Лично в руки фитиль и взяла, навела на толпу пушку:

– Ну, раз лютая, так и не обижайтесь...

Бабах!!!

Стреляла княгиня умело – единым выстрелом положила сразу четверых, тех, что стояли у самых ворот, стучали кулачищами. Кому руку оторвало, кому ногу, а кому и голову.

– Заряжай! – громко распорядилась Елена. – Пушки к частоколу тащите.

Частокол из дубовых, сажени в две высотой, бревен, это вам не забор, с наскока не возьмешь, не осилишь, тут вдумчивая осада нужна... Так вражины и действовали на редкость вдумчиво – неожиданно для княгини и для всех ее людей. У ворот-то толпились обычные тати, пограбить явились, как на Козьмодемьянской, а вот что касается остальных... Остальные действовали по-воински четко, зря не шумели, рогатинами да копьями не трясли – просто выждали до темноты да подвезли на возах пушки, принялись обстреливать ворота. Пальнули раз-другой – только щепки и полетели!

– Плохо дело, княгинюшка! – Кряжистый начальник стражи, сотник Питирим, звеня кольчугою, понялся по лестнице в терем – там сейчас укрывалась Елена с детьми и верным Феофаном-тиуном. – Обложили – не вырваться. Да и помощь сейчас, в темноте, вряд ли придет – вона факелы-то, вокруг всего рва, вокруг Детинца. Бежать тебе надо!

Княгиня гневно сверкнула глазами:

– Бежа-ать?!

– Не за ради себя самой – ради детушек.

Посмотрев на детей, на няньку, на испуганного тиуна, государыня бросила взгляд в ночь, не такую уж, впрочем, и темную, как и всегда в здешних местах летом. Четкие ряды пылающих факелов концентрировались вокруг всей усадьбы, лишь в некоторых местах – со стороны расположенной не遠далеке, на пригорке, Десятинной обители и около церкви Вознесения Господня, похоже, никого не было.

– То не так, госпожа, – сняв шлем, сотник покачал стриженной под горшок головою. – Засада тамоку – я людей послал, наткнулись. Да не то лихо, другое – смолой по углам запахло, да, видно, на телегах что-то лиходеи везут. Думаю – хворост да зелье. Пожечь усадьбу хотят, шильники!

– Пожечь? – Выслушав, Елена покусала губу. – Да, видно, к тому дело. Что ж, Питириме, уходим. Живенько, через подземный ход, и уйдем. Собирай всех, не так уж нас и много. Денек-другой в какой-нибудь обители отсидимся, а там...

– ...всем злодеям, шпыням ненадобным, – головы с плеч! – довольно продолжил сотник. – Ах, государыня, вот это по-нашему, так!

– Всем, да не всем, – напряженно вглядываясь в собравшуюся за частоколом толпу... да нет, не в толпу – в войско! – княгиня помотала головой.

В сверкающей серебристой кольчужнице, с золотыми, падающими по плечам волосами, она напоминала сейчас какую-то древнюю воительницу-деву неписаной, неземной красоты.

– Всем, да не всем, – спускаясь по лестнице, тихо повторила Елена. – Сперва разберемся – кто кого подзуживал да кто что хотел.

– Да что разбираться-то, госпожа моя? – оглянувшись, хохотнул сотник. – Я чай – имать всех лиходеев да казнити на Торгу. Ужо другим будет урок.

– Правду сказать, я б так сделала. – Княгиня неожиданно улыбнулась. – Да вот, боюсь, князь великий по-своему все решит. Разбираться обязательно будет, кого попало не казнит. Тако и верно – с корнями мятеж надо вырывать, с корнями, а допреж того – корни эти найти.

Мятежники ворвались в усадьбу одновременно – через главные ворота и с заднего двора. Уже пылали подожженные угловые башни, освещая неровным оранжевым пламенем обширный двор с брошенными пушками, ядрами, копьями. Брошенный и пустынный двор, абсолютно безлюдный.

– А они ведь ушли, – поднимая забрало немецкого шлема, зло произнес сутулый убиец Ондрейко. – Ускользнули, сволочи. Знать, все же был подземный ход.

– Так поискать надо, господин! – подскочил бравый вояка в латах, по виду – немец-наемник.

Убиец – похоже, он был тут за главного – нервно покусал усы:

– Нет, искать не будем, время только потеряем так. Тут болота кругом, а под болотами хода быть не может. Как рассветет, прикинем, где болот нет – туда и отправим людишек.

– Отправим, майн герр! – покивал наемник. – А сами? На великую битву завтра пойдем?

– Нет, Фриц, не пойдем, – ухмыльнулся Ондрейко. – В погоню поедем... А тут... Тут никакой битвы великой не будет, после нашего ухода будет одно избиение. С кем дружине воевать-то? С шильниками да со щитниками? Не-ет...

– Так, может, нам и не уходить тогда, майн герр?

– Как раз уходить, Фриц. Нечего нам тут боле и делать. Верные люди оставлены и без нас помутят, пограбят... сколь смогут. Твои же воины мне еще пригодятся и для иных дел, Фриц. И поверь – для дел, не менее важных!

– Яволь, майн герр! – вытянулся немец. – Думаю, все пройдет как надо!

– Пройдет. – Ондрей натянуто улыбнулся. – В этом не сомневайся.

Под яростный набатный гул новгородский владыко архиепископ Симеон со всем своим клиром взошел на волховский мост крестным ходом, благословляя обе стороны – лишь бы разошлись все по домам, лишь бы унять кровопролитие, не на шутку грозившее перерасти в настоящую гражданскую войну. Посадники и тысяцкие собирали войска, однако все же на полноценные действия не решались, надеялись унять восставших одним видом своей воинской силы да Божьим словом. Шумел, колыхался господин Великий Новгород, вольности прежние вспомнив; пожар на Козьмодемьянской все ж удалось унять, да и на Прусскую послали войско – жаль только, усадьба княжеская оказалась пуста... да и выгорела изрядно.

– Ах ты, мать честная, – вернувшись в Детинец, корил себя посадник Федор Тимофеевич. – Не уберегли княгинюшку-то, выходит! Не уберегли.

– Типун тебе на язык. – Отец Симеон, владыко, отвел посадника в сторону, прошептал негромко: – Слава Господу, в целости княгинюшка и детушки ее в целости. Бежать сумели, упаслися – в обители Михайловской нынче ждут.

– Господи! Выходит – живы?

– Да живы, хвала святой Софии! Ты в Михайловскую часть-то воев отправь, Федор, мало ли что.

Глава вторая

Лето 1418 г.

Углицкий удел (бывшее Углицкое кн-во)

Мор

Невдалеке от того места, где широкая Сить-река, огибая пологой излучиной поросший густой дубравою холм, разливается мелководным озером, полным всякого рода рыбы (у брода – в самых глубоких местах сейчас, летом, – с полколеса телеги), уютно расположилось селенье в три дюжины изб с огородами, с выпасами, с закромами. Селенье немаленькое, однако без крепостной стены – так, на усадьбах иных частоколишко, зато площадь перед строящейся церковью – большая, вольготная, по всей площади рядки-прилавки сколочены, рядом пристань, тут же через брод и дорога – тракт Московский, для торговли место удобнее, да и Углич недалеко – в случае нападения вражин всегда отсидеться можно. Впрочем, какие по нынешним временам вражины-то? С татарами замирились давно, их ханша великую власть Великого князя Руси признала, соседние же князьки-волостели, может, селенье сие и пограбили бы, да Егора-князя боялись – тот за такие дела уж живо укоротил бы руки! Оставались воров – тати лесные, однако от их лихоимства дружина углицкая защищать должна.

Слава Богу, последнее время спокойно стало, не как раньше, в старые времена: татары налетят – жгут, грабят, насилуют, угоняют в полон, костромской князь налетом придет – жгет, грабит, насилует, угоняет в полон, переяславский князь... суздальский... еще хуже татар, собаки! Ране оно так и было, а по нынешним временам – боятся, всех князь Егор к ногтю прижал... не простой князь – император!

Вот и селился в тутошних удобных местах народ – все больше люди торговые и все, кто с торговым делом связан: купцы, приказчики, людейных да тележных дел мастера, лоцманы, кузнецы, менялы... Хоть, как полагается, и скот держали, и огороды, да не с земли кормились – с торговли. Потому и именовалось селенье не деревнею, не селом, не починком, а торговым рядом или просто – рядок. А раз у брода – так Бродский рядок или просто Бродский.

Как обычно, с утра раннего уже шумели ряды, шастал народец у брода, у пристани, наемники – «с волочи» – волоком купеческие суда по мелям протаскивали, зашибали деньгу изрядно, потом прогуливали, пропивали в корчмах, драки учиняли, буянили – вот оттого-то потом всех таких «сволочами» прозвали.

Ближе к вечеру, когда солнышко уже клонилось за дубраву и лихой народ «с волочи», предвкушая гулянку, возвращался к рядку, пристала к деревянному причалу торговая ладейка-насад. Приземистая, с почти плоским дном, вместительная. Весла, мачта с парусом – для широких рек, на носу красивая золоченая фигура – то ли рогатая лошадь, то ли бык, на широкой корме просторная каюта – для кормщика или, скорей уж, для самого купца, для хозяина.

Пристали без особого шума, ткнулись бортом о бревенчатые мостки, кормщик Овдей, юркий темноглазый мужик с рыжей бородкою, выскочив на причал, подозвал «сволочей» – договариваться, заодно как бы невзначай поинтересовался: а нет ли на рядке доброго лекаря?

– Да есть лекарь, как не быть! – Десятник «с волочи», дюжий парняга с широким, избитым оспой лицом – его так и прозвали Колька Рябой – ухмыльнулся: – А на что вам лекарь-то?

– Да зуб у приказчика прихватило, – поспешно пояснил кормщик. – Третий день мается бедолага, страдает.

Рябой громко расхохотался, показав крепкие желтые зубы:

– Дак тогда ему не лекарь, ему кулак хороший нужен! Пушай к вечеру в корчму дядьки Варфоломея зайдет – там мы ему драку-то сладим! Не заметит, как останется без зубов... А ты говоришь – лекарь.

– И все ж хотелось бы...

– Ла-адно! Шуткую я. Вона, за церквою, третья изба. Коновала Кузьму Еловца спросишь.

Кузьма Еловец – низкорослый приземистый мужик с сильными мосластыми руками и недобрым цыганисто-смуглявым лицом, обрамленным редкой кустистой бородкою, – слыл не только коновалом, но еще и цирюльником, и, как водится, лекарем – вправлял кости, отварами мог попоить, зубы заговаривал иногда да пускал кровь. Многие с разными болячками обращались – кто и выздоравливал, а кого и забирал к себе Господь, так вот – половина на половину – выходило.

Овдея-кормщика коновал принял в воротах – видать, не хотел пускать к себе домой чужака, – выслушал спокойно, внимательно, потом покивал, обернулся, подозревая со двора помощника, босоногого отрока-подростка, тощего, с таким же смуглым, как у самого коновала, лицом и буйной соломенно-желтою шевелюрой.

– Арсений, эй, Сенька! За меня остаешься, черт! Вскорости Микита Ончак должен прийти – руку ему перевяжешь да велишь меня дожидаться. Смотри, не напортачь токмо, инда мой кулак твоего уха отведает!

Испуганно моргнув, отроче поклонился:

– Не напортачу, дядюшко!

– Смотри-и-и...

Вслед за кормщиком Кузьма миновал рядок и, спустившись тропинкою к пристани, поднялся по сходням на борт ладьи.

– Туда вона. – Овдей показал рукой на корму и скривился. – Тамо болезный наш.

– Ну-ну, – усмехнулся коновал. – Видать, болезный ваш не простой приказчик.

На улице темнело уже, и оранжево-алый закат стелился над широкой рекою, словно выпущенная из резаного барана кровь. Серебристый месяц уже повис над дубравою, и в темно-синем небе одна за другой вспыхивали желтые звезды.

Внутри каюты на небольшом столе ярко горела свечка, не какая-нибудь там дешевая, сальная, нет – настоящая, из доброго воска, что шел ганзейским купцам по дюжине кельнских серебряных грошей за бочку. Рядом со свечкою на столе стоял кувшин с каким-то питьем, а у небольшого оконца на ложе лежал и сам больной в портах и белой полотняной рубахе.

– Ты, что ли, лекарь? – Увидев вошедшего, больной приподнялся, сел, пригладив ладонью растрепанные седоватые волосы.

Под воротом рубахи, на шее, золотом блеснул крестик. Да-а... не приказчик – похоже, что сам купец. С такого можно и поболее спросить за лечение-то!

Сняв шапку, коновал вежливо поклонился:

– У тя, мил человек, зубы боляти?

– Да не совсем зубы... Что-то все тело ломит.

– Ничо, поглядим! – Кузьма Еловец потер руки и уселся на край ложа. – Ты сам-то, господине, – приказчик али купец?

– Торговый гость Ерофей Ушников! – горделиво выпятил грудь больной. – Ты мне отвар какой-нибудь присоветуй, а я уж в долгу не останусь, ага.

– Лихоманка посейчас есть ли? – наскоро осмотрев купца, участливо осведомился лекарь. – Лоб-то у тя, господине, не так чтоб уж очень горяч... но и не холоден.

Ушников сверкнул глазами:

– Лихоманка третьего дня была, посейчас, слава Богу, отпустило. Да вот боюсь, не вернулась бы; знаю, так часто бывает – вот тебя и велел привести. Отвару дашь ли?

– Пришлю, – поднялся на ноги Кузьма. – И отвар, и настой, и из земляных червей зелье. Отвар и настой – внутрь принимать, зелье – в грудицу втирать. Смотри, господине, не перепутай.

– Да не перепутаю. – Купец слабо улыбнулся. – Уж червей-то не стану жрать! Да уплачу, не сомневайся – немецкие гроши, пфеннинги, ордынские да московские деньги... Тебе чем лучше?

– Лучше московской деньгой, – застенчиво потупился коновал. – Потом менять не надо. Отвар дюжину серебрях стоит да настой столько же, а уж зелье отдам и за полдюжины.

– Одна-ако! – побряхтев, больной потянулся к лежавшему в изголовье кошелью-кошке, прозванному так за то, что такие вот кошельки частенько из кошачьих шкур шили.

Пальцы послунявив, отсчитал денежку:

– Вот пока тебе половина – задаток. Остальное – как зелья да отвары свои принесешь.

– Сам не понесу, – обернулся на пороге Кузьма. – Есть у меня малец-оголец, зовут Сенькой. Пришлю – с отварами, ему и денежку передашь, господине.

Ерофей покачал головою:

– Не боишься малыцу своему доверять?

– А ты мне, господине торговый гость? – прищурившись, вопросом на вопрос отозвался лекарь. – Доверил ведь, хоть и половину. Пусть для тебя, чаю, и не велика сумма, а все ж – серебро. Ну да и Сенька у меня – парень честный. Самое главное – кулаки мои помнит да знает, что бежать-то ему некуда. Сирота – никому не нужен!

– Только ты, мил человек, до утра уж постарайся управиться. Мальца своего поскорее пошли.

– Поскорее?

– Я еще с полдюжины монет доплачу.

– Угу, – довольно кивнул Кузьма. – На том и уговорились. Жди, господине. Жди.

Проскрипели под сапогами сходни, зашуршала высокая полевая трава, коновал возвращался домой напрямик, поторапливался – это только кажется, что ночь длинная, до утра-то не так и много осталось.

Вернувшись на усадьбу, коновал тщательно затворил за собой калитку, висевшую на ременных петлях, погладил вскинувшегося было навстречу пса да, не заходя в избу, зашагал к сеновалу, разбудил спящего там парня, подергал за ногу:

– Эй, Сенька, вставай! Зелье мне поможешь делать, потом, куда скажу, отнесешь.

– Угу, господине Кузьма, встаю уже... Вот!

Зашуршав соломою, отрок спрыгнул наземь, прихлопнул усевшегося на лоб комара.

– Инна в овине огонь разожги, – негромко приказал коновал. – Малую печачку.

– За травами в избу сбегать?

– Не надо. Сам принесу.

Немного и времени прошло, а в овине, в малой, обложенной камнями печи уже вздулось пламя, закипела в котелочке вода – варево.

– Чабреца подложи, – развалившись в уголке, на копне еще сыроватого, спрятанного от возможного дождя сена, приказал Кузьма. – Теперь мяты подсыпь... Да больше, больше! Теперя – толченых жаб. Сушеных червей добавь, вон они, в туюске...

– Знаю, господине.

– Знает он, – приподнявшись, коновал усмехнулся. – Смотрите, какой умник выискался! А ну-ка, подойди, отроче!

– Так варево ведь...

Кузьма повысил голос:

– Подойди, сказано! Голову опусти... Вот тебе, вот!

Отвесив малыцу несколько хороших затрещин, так, что по щекам отрока потекли слезы, лекарь потянулся и назидательно пояснил:

– Это – чтоб умней других себя не считал, червь. Понял?

– Понял, господине. За учебу – благодарю.

Низко поклонившись хозяину, Сенька обернулся к печке:

– А варево-то... Ой!

– Так ухвати, ухвати!

Отрок схватил было котелок руками, да тут же их и отдернул – едва не обжег, – взял подолом рубахи.

– В миску немножко отлей, – деловито распорядился Кузьма. – Остальное еще чуток прокипятить – и снова слей, уже в другую миску, вон в ту, в щербатую. А что останется – осадок – в леднике остудишь.

– Понял, хозяин. Все, как велишь, сделаю.

– Из той, первой миски, как остынет, в малый кувшин перельешь – то отвар. – Зевнув, коновал продолжал свои наставления: – Из миски щербатой – в скляночку. То – настой. А что из котелка выскребешь – то в березовый туес – зелье. Тако купчине болезному и повторишь – отвар с настоем внутрь, зельем грудину мазать. Не шибко-то и больной купец-от, Бог даст, выздоровеет. Да! Ты босиком-то на лодью не беги, надень постолы да рубаху смени на праздничную – чай, не шпынь какой-нибудь!

– Сделаю, господине, ага.

Дождавшись, когда отвары и зелье остынут, Арсений аккуратно разлил их по кувшинчикам-туесам да, сложив все в суму, побежал было в избу – за постолом и рубахой.

– Постой, – схватив парня за локоть, просипел Кузьма. – Сам все вынесу, а то перебудешь всех, с тебя станется. Тут вот, у крыльца стой. Жди.

Переодевшись в праздничную – с богатой вышивкой – рубаху, Сенька сноровисто намотал на ноги онучи, завязал ремни постолов, кожаной плетеной обувки, притопнул – все ли ладно? – и, закинув на плечо суму, зашагал к калитке. Никто его с усадьбы не провожал, разве что дворовый цепной пес махнул дружелюбно хвостом да замычал в скотиннике откармливаемый на мясо бык Прошка.

Ночка выдалась нынче светлая, звездная, серебристый свет месяца заливал луга, отчего и трава тоже казалась серебряной. Идя по знакомой тропинке, Арсений представил вдруг, будто бы это не трава, а настоящее серебро – ух, какие деньжищи! И если б эти все деньжищи да ему – то что б он, Сенька, тогда сделал? А перво-наперво ушел бы от дядьки Кузьмы – злой он, да и лекарь нехороший. Чему от такого научишься – вот как сейчас – обману только. Иное дело, в Угличе – лекарь Амброзиус Вирт из голландских немцев, что как-то по весне еще на рядок заезжал, лечил старосту от какой-то хвори. Дядько Кузьма за лечение-то и не брался – понятно почему, а вот Амброзиус вылечил, и Арсений ему в том помогал – голландцу расторопный служка понадобился, вот Кузьма и дал Сеньку, не бесплатно, конечно. Всего-то неделю отрок при голландском лекаре был, а сколько чему научился! И чем жар снимать знал, и как от мигрени спасать, и от подагры... А самое главное – ведал, какую болезнь можно вылечить, а какую, увы, нет. От мора лютого, от смерти черной, можно лишь бегством спастись! А черная смерть, говорят, нынче едва ль до самого Углича не дошла, сам князь великий, вся Русь государь и многих земель немецких император, самолично мор сей удержать явился. Оно и верно – кому, как не помазаннику Божию, с делом таким совладать? Вот вроде мор и на убыль пошел... слава Господу, до рядка Бродского не добрался.

Много чего Амброзиус-лекарь рассказывал, любил поболтать, тем более при таком-то благодарном слушателе, как Сенька. По-русски голландец говорил хорошо, бойко, хоть и забавно – иногда путал слова да заменял кое-что на свое, голландское. О черной смерти много чего рассказывал, о других морах – оказывается, не каждый мор одинаков! Жаль, мало побыл

на рядке господин Амброзиус Вирт, мало с ним Арсений общался. А вот были бы денежки, поехал бы в Углич, подался бы к голландцу в ученики, со временем и сам стал бы знаменитым лекарем, дом бы выстроил, жил, людей лечил... не так, как дядько Кузьма. Ну, коновал, он коновал и есть: руку-ногу кому вправить, рану перевязать – это пожалуйста, ну а ежели что посерьезнее, тогда... тогда вот так вот, как сейчас – из одного котелка и зелье, и отвары, и снадобья. Что ж это за лечение такое? Обман один, ага. Стыдно и деньги брать... а надо! Черт! А сколько монет купец должен? Что дядько-то говорил? Совсем из головы вылетело – вот ведь незадача! Как теперь и быть? Одна надежда – что сам болезный купец про то помнит, не забудет, не захочет обмануть. А ежели забудет, обманет? Тогда уж лучше и не возвращаться – кулаки у дядьки Кузьмы тяжелые, в ухо засветит – можно и оглохнуть навек.

Впереди плеснула волна, показалась в свете луны приземистая ладья, причал, сходни. Перестрелах в двух, на самой излучине, тускло горел костерок – видать, рыбачки встречали утреннюю зорьку.

– Кого черт несет? – едва Арсений ступил ногою на сходни, нелюбезно осведомились с судна.

– То я, Кузьмы-лекаря посланец. Лекарства принес.

– А-а-а! Лекарство... Ну, проходи. Вона туда, влево... Тут вот, у борта, постой. Обожди немножко.

Болезный купец, видно, прикорнул малость, да сейчас вот проснулся, разбудили – видать, так людям своим и наказал. В каморке кормовой свечку зажгли, потом уж посланца позвали:

– Входи, входи, отроче. Выкладывай свои зелья.

– Ага.

Едва взглянув на купца, Сенька почувствовал неладное – слишком уж сильно блестели у больного глаза, слезились. Да и лицо выглядело каким-то осунувшимся, словно после недавнего жара.

– Этот вот – отвар, по три раза в день, лучше после еды, внутрь принимать. – Отрок выложил на стол принесенные лекарства. – Это – настой. Его натошак надо. Тоже по три раза...

Обсказал, замялся, да не удержался, спросил:

– Лихоманка-то била тебя, господине?

– Ой, отроче, била! Не дай бог кому. А посейчас вроде и ничего – отпустило.

– А в паху, под мышками – не болело ли, не вздувалось? Скажем, дней пять-шесть назад тому?

– Так и было, – с удивленьем отозвался купец. – Именно дней пять назад. Вздулось, нарывало – а сейчас все прошло, зажилося. Ты, я смотрю, понимаешь, что ли?

– Рубаху, господине, задери, – негромко попросил Сенька. – Покажу, как да куда зелье мазать. Еще-то свечка есть?

Больной усмехнулся:

– Надо, так сыщем. Велеть, что ль, зажечь?

– Да не худо б.

Ох ты... Арсений закусил губу, едва только взглянул на полмышки! Явные припухлости, чуть заживленные... бубоны! Все так, как и рассказывал Амброзиус Вирт, голландец – сперва лихорадка, вздутия, нарывы, потом может быть заживление, и лихоманка спадет, кажется, вот оно, выздоровление... ан нет! Совсем скоро – харканье, пена кровавая на губах и гибель! Коварная болезнь и неизлечима – недаром черной смертью зовется. Увы, страдания купца не облегчить... Самому бы теперь не заразиться, черная смерть прилипчива.

Сенька и про деньги забыл, хорошо хоть, купец вспомнил – пальцы послунявив, отсчитал денежки в поспешно подставленный юным лекарем мешок.

– Сколько и договаривались. Ну, прощевай, парень. Хозяину своему поклон передай.

– Передам. Выздоровливай, господине.

Когда отрок сошел по сходням на берег, уже начинало светать, бледно-голубоватое небо над дубравою алело зарею, а кое-где, по оврагам, стелился невесомыми облаками утренний легкий туман. Рядом в болотце громко квакали лягушки. Что ли – к дождю? Впрочем, вовсе не это сейчас волновало Арсения. Первым делом он выкупался в реке, тщательно – с песком, со взятой с рыбацкого кострища (их тут было много) золою – вымыл руки. После посещения больного – обязательно, как наказывал господин Амброзиус Вирт. Еще голландец предупреждал о пагубности всех отправлений больного – мочи, кала, пота, слюны... А ведь болезный купец каждую монетку слюнявил, отсчитывал! И что же теперь? Выкинуть все это серебро в реку? Ага... Дядько Кузьма, пожалуй, выкинет. Лекарь советовал в кипящей водице подобные – от больных людей – вещи подержать, не очень и долго... в овине как раз и можно будет воду нагреть, а о подозрительном купце немедленно сообщить старосте, да и дальше – в Углич.

– Вот ты и пойдешь, сообщишь! – выслушав парня, решил староста рядка Филофей.

Пригладил седую бороду, ухмыльнулся, глянул на отрока с хитрецою. – А с хозяином твоим я договорюсь – отпустит. Пушай попробует токмо не отпустить. А ладейка-то ушла уж, не догонишь, да ничо, я чай, перехватят ее княжьи люди.

Коновал Кузьма Еловец решением таким, конечно, доволен не был – лето, страда, отрока руки в хозяйстве нелишние. Однако спорить со старостой благоразумно не стал, головой кивнув, согласился, однако, на улицу из избы выйдя, хар-рошую оплеуху Сеньке закатил:

– Ну, смотри, тля! Ежели проведаю, что соврамши... Ужо отведаешь плетки.

– Да не соврал я! – схватившись за щеку, взмолился Арсений. – Христом-Богом клянусь – не соврал. Припухлости видел, язвы... да и по всем признакам – черная смерть!

– Все ж думаю, соврал. – Кузьма недобро прищурился. – Я-то ничего такого не видел.

«Это потому что ты, дядько, не как немец голландский господин Вирт – врач, а простой коновал. Вот и не хватило ума, не заметил... да и не особенно-то и старался больного осматривать».

Так подумал отрок, вслух же, конечно, ничего подобного не сказал, однако глазенки блеснули бесом.

– Явишься – поговорим ужо, – с явной угрозой напутствовал дядько Кузьма. – Ужо-ка поглядим тогда, кто из нас умник. За все свои дни отработаешь – от зари до зари. И на пастьбе, и на покосе.

– Отработаю, дядько. – Арсений, уходя, поклонился. – Я ведь быстро туда-сюда обернусь. Сам староста сказал – государево дело!

Ой, зря он так сказал, зря!

– Староста?! – оскорбленно взвился коновал. – Я, червь, тебе господин, а не староста! Чай, забыл? Ну, я тебе напомним... А ну-ка – получай! Получай! Получай!

Так – пинками да оплеухами – парня со двора и выгнал, хотел было еще и на улице наподдать, да прохожих... не то чтоб постеснялся, а все же как-то нехорошо вышло бы, коли б они старосте донесли. Ну их к ляду! И старосту, и людишек, и Сеньку... с тем-то еще посчитаемся ужо!

Спустившись к реке, Сенька смыл с лица кровь, приложил под левый глаз оторванный от подола кусок – примочку, полежал так немножко, наскоро выкупался в ближнем омутке да, накинув на еще не высохшее тело одежду, поспешно зашагал к броду. Миновав брод, вышел на Московский тракт – дорогу широкую, пыльную, со всадниками, с возами, с каликами переходжими, артельщиками, школярами и прочим легким на подъем людом. С такими бы и идти

– весело, знай песни да рассказы всякие слушай, только рот разевай, еще и на привале бы, по ночлегам, подкормили б, всяко без хлебца корочки не оставили бы – дядько Кузьма, жадина, уж конечно, харчей в дорогу не дал. Хоть и не с волочи, а все одно – сволочь!

Так бы по Московскому трату и шел... одна беда – по дороге-то до Углича три дня пути, а коротким путем – лесами, по урочищам, через овраги – на день скорее выйдет. Вот напрямик-то Арсений и отправился, с наезженного тракта свернув, тропинки нужные ведал. Пробрался бузины зарослями, потом ракитником да желтым дроком, пересек тропкой охотничьей всю дубраву, едва на стадо кабанов не нарвавшись – хорошо, хрюканье вовремя услышал, обошел сторонкою. А ну как поддел бы клыками матерый секач? Дух бы запросто выпустил, тем более из такого хлипкого парня, как Сенька. Правда, отрок бы кабана дожидаться не стал – живо б взобрался на какой-нибудь молодой дубок, там бы и переждал... Да ну их, кабанов этих! Обошел, не почуяли – и слава богу.

Спустившись с пологого холма вниз, отрок пошел ольховником да красноталом, вдоль реки, по рыбацкой тропинке... Там, у кострища, повезло – отыскал-таки припасец: крючки да грузила, даже конский волос – на леску. Обрадовался Арсений – вот и славно! Теперь к ночлегу ближе и рыбки натаскать можно – нож на поясе есть, огниво тоже имеется: костерок завсегда сварганить можно, рыбку на углях испечь. Потом поспати немного – да в путь. Сытому – это не голодному, а уж кому-кому, а Сеньке дальняя дорожка в радость. Идешь себе, насвистываешь – мимо полей, златым житом наливающимися, мимо лугов заливных зеленых, да с розовым клевером, с желтыми мохнатыми одуванчиками, с ромашками, с тучными пасущимися стадами. Красота кругом – и никто тебя не бьет, над душой не стоит, не гундосит. Красота! Так бы всю жизнь и странствовал, ходил бы из города в город... может, до Амстердама, про который Амброзиус Вирт рассказывал, добрался бы...

Повеселел отрок, про обиды да ссадины свои позабыл, а ближе к вечеру, удочку смастерив, наловил в старице рыбы, разжег на опушке, у леса, костер, наломал лапника да, подкрепившись, улегся, уснул. Диких зверей не боялся – на тлеющие угли не пойдет зверье-то, что ж до лихих людей, разбойников – лесных татей – так что им с Сеньки взять? Разве что татарам продать, так это далече вести надо. Купцы-то местные не возьмут – им строго-настрого княжым указом работарговлишкой заниматься заказано!

Так что никого не боялся Арсений, ночь напролет спал себе без задних ног, а проснулся уже от бьющего в глаза солнца. Открыл левый глаз, прищурился, еще полежал немножко... потом вскочил, побежал к реке, окунулся да, на берег выбравшись, растянулся в мягкой траве, лежал, глядя, как порхают вокруг разноцветные бабочки да жужжат, проносясь над самой головой, синие быстрокрылые стрекозы.

Хорошо!

Долго, правда, не лежал отрок. Вскочил, оделся быстренько и зашагал себе дальше – мимо высокой, с острыми листьями вербы, мимо круглых ив, мимо густых зарослей черной смородины и малины – жаль, ягодки-то еще зеленые были, еще не налились соком и звонким летним солнцем. Быстро нагревшаяся тропинка приятно грела босые, мокрые от росы ноги, из кустов вырывались, взмывали в небо жаворонки и прочие мелкие птицы. Вот слева запела малиновка, чуть подальше в лесу гулко закуковала кукушка, и, казалось, над самой головой ударил в ствол дятел. Чу! Кося круглым глазом, перескочил через тропу заяц, ринулась за ним серовато-рыжая, с желтыми подпалинами лиса – тощая, смешная. А ну, пойди поймай-ко! Унеслись по лесной тропе, Сенька им вослед даже собрался свистнуть, уж и в рот два пальца заложил... да раздумал, увидев впереди, на залитой солнцем полянке, какого-то странного парня. Точнее, даже не парня, а вполне себе зрелого – лет тридцати с лишком – мужа с приятным, заметно тронутым загаром лицом, обрамленным густой светло-русою шевелюрой и небольшой, аккуратно подстриженной на немецкий манер бородкою с усиками – такими же, как у присной памяти лекаря-голландца.

Вел себя сей муж как-то уж очень непонятно: прыгал, прямо сказать, козлом скакал да махал руками, будто наносил кому-то удары – сильные, быстрые, ловкие. И так это выглядело... будто бы мужик этот с тенью своей сражался! А уж одет был... скорее даже раздет – в одних портах, босой... рубаха-то нарядная рядом под осиной валялась, да и пояс, и сапоги, и... Ух и мускулы у него! Арсений ни у кого таких не видел. Не то чтобы шибко здоровенные, но... такие, словно бы ни капельки лишнего веса в этом незнакомце не было, а было... был он, говоря словами все того же Амброзиуса Вирта, «сложен, как греческий бог». А на левом плече приметная – в виде трилистника – родинка.

Ой! Ничего себе – как подпрыгнул-то! И руками, руками... словно кого-то бил.

– Славно! – подойдя, не сдержал восхищения Сенька. – Ой, как славно-то! Ты что же, мил человек, скоморох?

– Скоморох?! – Серые глаза сверкнули сталью... Впрочем, на губах тут же мелькнула улыбка.

– И как же ты ко мне незаметно так подобрался? – натянув рубаху, вместо ответа поинтересовался сей славный муж. – Ты вообще откуда тут взялся-то, вроде дорожек прохожих здесь нет, одна река рядом.

– Дорожек-то, господине, нет, – отрок улыбнулся. – Зато есть тропинки.

– Ага, тропинки, вот как... А ты у нас кто? Звать тебя как?

– Звать меня Сенькой, как и батюшку моего покойного звали, тако же... – Юный коновал на всякий случай поклонился, углядев, как высокородный – явно, высокородный – муж ловко застегивает наборный с золотыми бляшками пояс с привешенной к нему саблей в дорогах, зеленого сафьяна, ножнах. Попробуй такому не поклонись! Вот ведь угораздило встретиться...

– Надо же – и отца Сеней звали? – Незнакомец неожиданно хлопнул отрока по плечу. – Семен Семеныч, значит. Часом, не Горбунков?

– Не-а, Горбунки от нас в стороне, к Угличу ближе, а я с рядка – Бродский.

– Бродский, ну надо же! – хлопнув себя по коленкам, расхохотался высокородный. – Нобелевский лауреат! Как же, как же, знаю. Как там у него было-то... мимо ристалищ, капищ... мимо степей подлунных... нет, не так... забыл... А ты-то, случайно, не помнишь? Ах да, откуда ж тебе знать, когда Бродский только еще веков через пять родится?

– Кто, господине, родится?

– Ой! – внимательно всмотревшись в побитое лицо подростка, воскликнул вдруг незнакомец. – Это где ж тебя так угораздило? Неужели, как Иван Бровкин, разбил колхозный грузовик?

– Не-а, не разбивал... – Арсений замотал головою. – Ничего я не разбивал, господине. Отпустил бы ты меня...

– Я тебя держу, можно подумать! – пожал плечами высокородный муж. – Заметь, даже не спрашиваю, куда ты путь держишь.

– А я и не скрываю! – Отрок выкрикнул сие несколько нервно, с вызовом – устал уже бояться всех. – В Углич иду. В Углич. С вестию важной к воеводе тамошнему, а может быть, и к самому князю!

– С важной вестью, вот оно как! – снова засмеялся незнакомец. – А весть эту можно, скажем, не угличскому удельному, а великому князю доверить?!

– Великому князю?! – шепотом переспросил Сенька. – Самому?

– Самому, самому... я, знаешь ли, его очень хорошо знаю.

– Самому – еще лучше будет! – Отрок решительно рубанул воздух рукой. – Как раз по его делу.

– Так-так-так-та-ак... По какому делу конкретно?

– Ну... с мором ведь князь великий борется, все знают – затем в наши края и приидоша.

– А что – ты про мор что-то знаешь? А ну-ка, ну-ка, пошли!

- Ко князю великому, господине? А он что, здесь?
- Да здесь, здесь, весь флот его здесь, на реке – ладейки.
- А ты его точно знаешь?
- Ох, как ты мне своим расспросами надоел! Знаю, знаю – иди уже.

Сопровождаемый высокородным незнакомцем с привешенной к богатому поясу саблею, Арсений спустился чрез заросли ракитника и чернотала вниз, к реке, где у самого берега стояли большие воинские ладьи числом около пары дюжин. Все – добрые суда, красивые, с навешенными на бортах щитами, с разноцветными стягами, с пушками. А воинов вокруг было – немерено!

Один – немолодой, но здоровенный, сильный, с крючковатым носом и смуглым разбойничьим лицом, внезапно обернулся, подбежал к высокородному ближе... и, вдруг поклонившись, спросил:

- Когда отчаливать прикажешь, княже?
- Так вот прямо сейчас. Вестника только выслушаю – что-то он тут интересное говорит.

Княже! – внезапно осенило Сеньку. Так вон оно что... То-то вокруг все кланялись да, салютуя оружием, браво выпячивали грудь. Вот оно что... князь! Князь великий!

- Отрок повалился на колени, в траву:
- Не вели казнить, великий князь!
- Встань, Сенька! Идем вон к шатру. Сейчас мне все подробно поведаешь.

Выслушав Арсения, князь немедленно выслал пару стругов – догнать «рогатую» ладью – и, распорядившись накормить юного посланца, надолго задумался. По всему выходило, что чума начала распространяться по рекам, через зараженных торговцев... Что ж, следовало ожидать. Скорее всего, уже инфицирован и коновал Кузьма, хозяин Сеньки, и, быть может, уже кто-то из жителей Бродского рядка. Если это так, то сие поселение надобно немедленно окружить да сжечь вместе с жителями, или уж, по крайней мере, оставить их вымирать, выставив на всех дорогах посты и никого никуда не выпуская, дабы не дать распространиться болезни. А как еще ее лечить? Увы, стрептоцида еще не имелось, да и вообще никаких антибиотиков. Даже шприцов... увы... Оставался строжайший карантин зараженных мест да эвакуация населения из соседних мест, как единственные действенные средства.

Средневековые лекари, конечно, предлагали много всего – пить смесь из патоки и мелко нарубленных змей, спать поочередно на разных боках, вырезать или прижечь чумные бубоны... А еще ходило весьма нехорошее поверье, что от черной смерти можно избавиться, передав ее другому – то есть специально кого-нибудь заразить.

Слава Господу, пока удавалось локализовать отдельные очаги болезни, не дать распространиться эпидемии, от которой вполне могло вымереть две трети населения Руси. Черная смерть не миновала бы и Орду, и Европу, связанных с русскими городами теснейшими торговыми отношениями. Пользуясь относительно мирными годами, купцы с товарами сновали туда-сюда, а зараженный бубонной формой чумы первое время чувствовал себя вполне сносно, вот распространялся мор... а уж если чума переходила в особо заразную легочную стадию – все: ложись да помирай! Действенных лекарств не имелось, да и с личной гигиеной дела обстояли их рук вон плохо, несмотря на все указы Егора и личные распоряжения молодой княгини.

Ах, Елена, Елена... Князь вдруг отвлекся от мыслей о черной смерти, вспомнив любимую жену, детушек – давно уже их не видал, месяца полтора, наверное... Да нет, уже около двух – когда забот полон рот, времечко летит быстро! Мишка, сын, Михаил Егорович – на матушку больше похож, такой же светловолосый, настырный, дочка же Аннушка обликом в отца пошла, а про характер говорить еще рано – второй год всего Аннушке-то и шел.

Семья... пожалуй, единственное, что хоть как-то примиряло князя Егора – Егора Вожникова – с этим средневековым миром, в коем он очутился... не сказать чтоб чисто случайно,

скорее – по собственной злой воле. Просто захотелось способности в себе развить особые – опасность предвидеть, вот купился на снадобье некой бабки-колдуньи, на сайте ее завис. Получил снадобье, да – хотелось ведь поскорей! – советам ведьмы не внял, а ведь предупреждала бабка, чтоб грозы опасался... а какая гроза зимой? А вот ведь случилась, словно нарочно! Нырнул Егор в прорубь... а вынырнул уже в пятнадцатом веке. И обратно было – никак, о чем и многие здешние ведьмы ему говорили, все же молодой человек, особенно поначалу-то, пытался вернуться... вот и падок был на ведьмочек – до сих пор. Про то супруга ненаглядная знала – владыку новгородского Симеона подговорив, всех колдуний извела под корень. Конечно, до кого дотянуться смогла, но все-таки. Еленку Егор в Орде встретил, когда в полон туда угодил. Вместе и бежали, вместе горе горевали, вместе и радовались. Елена княжьего рода оказалась – из заозерских владык, дядькой своим преданная. Ну да Вожников живенько восстановил справедливость – как-никак, ватага у него была, да и сам в прошлом – кандидат в мастера спорта по боксу среди юношей, плюс еще способность все ж у него появилась – предвидел опасность, не обманула бабка! Правда, предвидел только на трезвую голову, что пришлось учитывать во время многочисленных пиров.

Став легитимным заозерским князем, Егор быстро подмял под себя все остальные княжества, а затем – пользуясь внутренними распрями – и Европу, и даже, будучи Ливонским курфюрстом, был избран императором Священной Римской империи, по сути – всех германских и чешских земель, набрав таким образом невиданную – в том числе и финансовую – силу, что склонило к покорности и Англию, Францию, Кастилию, Лион... и разных прочих шведов. Что касалось Орды, то на сарайский престол при непосредственной военной помощи князя крепко уселась некая Айгиль, девчонка молодая, умная, своенравная и весьма недурная на внешний вид; Егору она искренне нравилась... ну, пожалуй, не так, как Еленка, но...

– Княже, так нам в путь готовиться? – осторожно покашляв, обратился к Егору его личный секретарь – старший дьяк Федор, молодой, лет двадцати пяти парень, из тех людей, коих Вожников встретил первыми... человек бесконечной преданности, друг... если у сильных мира сего вообще могут быть друзья.

– Что? – поднявшись на ноги, Егор повернул голову к секретарю. – Что ты спросил?

– Говорю, князь великий, в путь ли?

– Струги, за ладьей посланные, вернулись?

– Нет еще. Так ведь только ушли!

– Ладно, ждать не будем – нагонят. – Решительно махнув рукой, князь распорядился готовиться к отплытию.

На стругах забегали, закричали, загрохотали веслами, кое-где уже подняли мачты. Вот, наконец, отчалили, двинулись вверх по реке, мало-помалу набирая ход, поплыли. Многим думалось, что домой... да так оно, по сути, и было. С эпидемией вроде справились, локализовали... если бы не этот случай с купцом на «рогатой» ладье: симптомы юный посланец описал точно, как внешний вид заболевшего, и тут никаких сомнений не оставалось – чума. И надо было немедленно что-то решать, не дать распространиться заразе. Ну, с ладьей ясно, а вот что делать с Бродским рядом? По уму – сжечь бы его к черту... однако там ведь, скорее всего, один только коновал инфицирован, да и тот еще – бабушка надвое сказала, все же остальные наверняка здоровы. Пока... А потому следовало поторопиться и решить проблему там, на месте, после детального обследования. Сразу к волоку решили всем флотом не идти, немного обождать за излучиной, выслав вперед быстрый да юркий струг с Сенькой, отрок и должен был выманить из дому дядьку Кузьму, бывшие в струге воины проверили бы – заражен или нет? Дня три прошло... еще пару дней – в пути, как раз четыре-пять выйдет; ежели заражен коновал, так уже должны бы появиться бубоны, так что сразу видно будет... Кстати, а сам-то посланец, случайно, не того?

Сидя на кормовой лавке рядом с кормщиком, князь жестом поманил Федора:

– Парень тот, Арсений, на нашем струге?

– Так, великий государь.

– Сюда его позови... Да рубаху свою новую принеся, шелковую, я видел, у тебя есть... – Егор полез рукой в висевший на поясе кошель. – На вот тебе шесть дукатов.

– Княже! – взмолился секретарь. – Рубаха-то, чай, гораздо меньше стоит.

– Ничего-ничего, бери... рубаху носи уже. И парня зови скорее.

Хитро задумал князь, как отрока осмотреть, паники промеж людьми своими не сея. Подозвав Сеньку, велел ему старую рубаху снять да в реку выкинуть, новую же надеть... покуда отрок переодевался, и сам князь, и бывший при дружине лекарь смотрели внимательно... бубонов, припухлостей никаких не нашли... А вот Арсений вдруг осмелел, поклонился да заговорил, хоть и не спрашивали:

– Нет, князь великий, болезни во мне нету. Я же с Амброзием Виртом, врачом из голландских немцев, много беседовал, как от черной смерти спастись – знаю. Руки накрепко вымыл, глаза, сам вымылся, рубаху на старую сменил, а ту, что была – давно в печке сжег. Ни лихорадки во мне нет, ни нарывов – сами ж видели.

– Ну, для нарывов-то еще мало дней прошло, – пригладив окладистую бороду, вскользь заметил лекарь – высокий, плечистый, с буйною седой шевелюрой, в роскошной лионского шелка куртке-котте, по виду – сущий разбойник.

Сенька его, честно говоря, побаивался, но тут глаза поднял да бросил с вызовом:

– Че ж мало-то? В самый раз – я ж тоже в болезнях кое-что понимаю.

– Понимает он! – Лекарь-разбойник презрительно расхохотался. – Видали мы таких понимающих. Я бы его, государь, с ладейки-то согнал... на всякий случай.

– Да не болезный я! – истово перекрестился отрок. – Христом-Богом клянусь.

– Ладно, – князь махнул рукой. – Иди покуда на нос, там сиди. Завтра еще покажешься.

Дни стояли пасмурные, но не дождливые, теплые. Прятавшееся за облаками желтое солнышко показывалось иногда, золотя лучами струги. По берегам реки уныло тянулись густые хвойные леса, изредка перемежаемые веселыми липовыми рощицами и возделанными полями. Кое-где виднелись деревни в один-два двора, спускались к реке узкие дощатые мосточки, бабы носили ведрами воду, останавливались, опуская ношу, махали ладьям вослед. Раньше, еще лет семь назад, такое трудно было б представить: при виде чужих кораблей в деревнях прятались все – бежали в леса, в урочища. Мало ли кто там, в этих ладейках, плывет? Может, мирные купцы – торговые гости, а может, и лихие татары, и разбойники-ушкуйники, хлыновцы. Всякого люда хватало, это вот князь Егор в последнее время хоть какой-то порядок навел и старался его поддерживать воинской силой... Ну а как еще? Не увещеваниями же! В этом смысле Средние века – время честное: ворует, безобразничаешь – голову тебе оттяпать, и все дела. Либо как вариант – посадить на кол, повесить. Ответка за непослушанье закону не заржавеет.

Во все расположенные близ реки селения князь Егор в обязательном порядке высылал разведку – проверить, есть там мор или нет? Вот и сейчас – в одну деревню послал вместе с дружинниками и лекаря, а в другую, подумав, – Сеньку. Парень вскорости с воинами вернулся, довольный и гордый – а как же, столь высокое доверие не каждому в жизни выпадает! Отрапортовал бодро: больных, мол, нет, все работают, да и в соседних деревнях о болезнях никаких, тьфу-тьфу-тьфу, не слыхали.

– Да и не должны были слыхать, – покусал губу Возников. – Эпидемии-то мы, слава Господу, разгореться не дали. Моровая волна стороной, по-вдоль Нерли-речки прошла, да там, у храма Покрова Пресвятой Богородицы, и зачахла нашими стараниями да Божьею волей. Вот только тот гость торговый меня беспокоит... на рогатой ладье. Должны бы, должны бы уж нагнать ее мои парни.

Остановившись на ночлег у дубравы, выслали к рядку воинов, а с ними и Сеньку. Хозяина своего побаиваясь, отрок даже шелковой, даренной князем, рубахи стеснялся, потому и на усадьбу коновала бочком, так понезаметней, протиснулся... погладил, приголубил бросившегося с лаем пса:

– Ух ты, зверинище! Поди, косточки те погрызть хозяин не давал давненько.

Признав давнего своего доброхота, заскулил пес, замотал башкою лохматой, хвостом завилял.

– Ого! – выглянул на крыльцо коновал. – А я думаю – с чего бы псина цепью гремачит? А тут вон кто-о!

– Здорово, дядько Кузьма.

– Здорово, здорово... А ну-ка, отроче, иди-ка сюда, иди...

В руках коновала вдруг неведомо как взялись старые вожжи:

– Кажется мне, что ли? Или впрямь рубаха-то на тебе шелковая? А ну, признавайся, у кого украл, шпынь?!

Оп! Ка-ак перетянул дядько Кузьма по спине служку своего младого – у того аж искры из глаз, уж никак не ожидал удара, даже обиделся, но уж потом увернулся, нырнул за калитку, думал – и хозяин за ним. Ан нет! Не тут-то было. Кузьма Еловец ленивым мужиком оказался – неохота было за слугой с вожжами бегать, вот еще дело – куда сей шпынь денется-то? Не сегодня, так завтра на усадьбу явится, прибежит. А не явится – значит, в бега подался. Тогда – к старосте да на суд... изловят – мало не покажется, так что придет, прибежит Сенька, сапоги, аки пес верный, лизать будет да в татьбе своей покается. Интересно, откуда он такую рубаху взял? Убил, что ли, кого? Да нет, кишка тонка убивать-то... скорей, стащил у кого-нибудь, в городе-то, небось, ротозеев хватает.

– Дядько Кузьма, – дернув калитку, отрок заглянул во двор. – А ты мне серебряную денгу обещал, помнишь?

– Что-о?! – Коновалу показалось, что он ослышался.

Видано ли дело, чтоб челядин домашний, слуга, да так хозяину своему дерзил?! Ах он пес, ах, сволочуга поганая, ла-адно... будет тебе прямо сейчас, ужо!

Размахивая вожжами, Кузьма Еловец выскочил за ворота и погнался за бросившимся к реке отроком... Тут, на тропинке, и наткнулся незадачливый коновал на пятерых молодцов с сабельками да кистенями.

– А ну-ко, дядька, рубаху сымай!

– Все заберите! – Трясаясь от страха, коновал живо скинул рубаху, взмолился: – Вот, посейчас и сапоги сыму – забирайте, токмо живота не лишайте за-ради Господа!

Сказал так... и услышал вдруг Сенькин голос:

– Нет на нем ничего. Чистый.

«Ага-а-а! Так вот оно что! Вон откуда у шпыня шелковая рубаха. С лихими людьми связался! Ах он змей, гад ядовитейший! Ничо, все старосте доложено будет, все-о... Болтаться тебе на веревке, забубенная голова... или вообще – башку с плеч долой! Ничо-о, ничо...»

Так думал дядько Кузьма, поспешая по узкой тропинке обратно на свою усадьбу. Как ни странно, рубаху ночные тати не взяли, да и самого не тронули – пнули токмо под зад, чтоб скорее бежал, да смеялись обидно. И Сенька – гад!!! – тоже вместе с татями сими смеялся. Это над собственным-то господином! Да в старыето времена за такое... шкуру спустить, засечь насмерть! Жаль, посейчас не то стало. Попробуй-ко слугу зря забидь – сразу в княжий суд жаловаться. Обнаглели совсем, шпыни. Ничо... тут-то иное, тут-то холопья морда Сенька не токмо господина своего оскорбил, но и в татьбу подался! А за татьбу – по всей строгости законов ответит... Ха! А ежели не вернется, так, выходит, он еще и беглый! Угу...

Трех молодых девок-рабынь Коростынь купил у одного биллярского купца за хорошую цену, уплатив сразу за всех всего двести золотых монет, по нынешним временам – дешевле некуда. Меньше сорока дукатов вышло, при цене в полсотни золотых за красивую молодую девку – именно столько давали и в Италии, и в Москве, и в Орде, правда, в последнее время людьми торговали тайно. Но торговали, чего уж – раз уж был спрос, было и предложение, и желающему приобрести в собственность умелого раба или рабыню-наложницу особых трудов это не стоило, однако потом могли возникнуть проблемы, спросить княжьи люди – воеводы, да волостели, да судейские – могли запросто: откуда, мол, девка? Где взял? Но это в городах могли, а в деревнях, селеньях дальних, что по лесам по долам... В глуши-то никто ничего не спрашивал... разве только медведь!

Ухмыльнулся Коростынь, про медведя подумав. Он и сам был чем-то на медведя похож – такой же кряжистый, сильный, да и лицо, честно сказать, словно медвежья морда. Не красавец, чего уж: глазки маленькие, скулы широкие, борода, правда, густая, да промеж кудрей – плешь. Ну и еще давненько, в юности, заразу какую-то в царьградских борделях подцепил – оттого по весне да летом коростой все щеки шли. Потому и прозвали – Коростынь.

– Вот еще дукат, вот еще... Все, любезнейший. В расчете?

– В расчете, уважаемый господин! – Толстый, в засаленном длинном халате купец пригладил крашенную хной бороду и улыбнулся: – Еще мальчики есть – возьмете? Совсем дешево отдам.

– Мальчики? – Задумчиво почесав затылок, покупатель махнул рукой: – Да, пожалуй, нет, в следующий раз как-нибудь.

– В следующий так в следующий, – заулыбался татарин. – Только предупреждаю, будет дороже, такие уж настают времена. Ваш князь людьми торговать не велит, а наша ханша Айгиль ему в рот смотрит. Ох-ох-ох, еще немного, и пойдем по миру милостыню словом Пророка собирать!

Простившись с работником, Коростынь и следующие за ним девушки в сопровождении вооруженных слуг прошагали по палубе приземистого купеческого судна и спустились в пришвартованную к его левому борту вместительную лодку с дощатыми нашивными бортами.

Связанных девушек, словно овец, швырнули на дно...

– Отваливаем!

По приказу Коростыня взяли за весла шестеро дюжих парней с заткнутыми за пояса ножами...

– К мысу гребите!

Уткнувшись носом в песчаный берег, лодка дернулась, замерла. Коростынь выбрался первым, за ним – часть парней, затем гребцы вытолкнули рабынь, босых, оборванных и грязных, опасливо жавшихся друг к дружке. Стенать невольницы не смели, тем более что-то там спрашивать или промеж собой говорить – справедливо опасались плетей.

– За мной идите. – Коростынь обернулся к девам, прищурился. Одна – светленькая – приглянулась ему больше других...

Может, себе оставить? Да нет, нет. Попользовать – да для дела. Иначе... иначе доложат хозяину... тут есть кому доложить. Ла-адно, сладить дело – будут и деньги, и девки.

Обреченно понутив головы, невольницы потащились следом за углубившимся в лес старшим, за ними молча шли парни – с кинжалами, с ножами, у кого и саадок за плечом – с добрым луком да стрелами. Побежишь – живо на стрелу нарвешься.

Смешанный лес постепенно становился все гуще, угрюмей, темнее – под осинами, под кронами елей росли папоротники и можжевельник, кое-где виднелись следы диких зверей, где-то кричала кукушка, а по вершинам деревьев весело прыгали белки.

Вот впереди показался заросший колючими кустами овраг – урочище, а за ним деревья неожиданно расступались, открывая взору небольшую полянку с покосившейся изгородью и

старой, с соломенной крышей, избой, сквозь волоковые оконца которой вился, медленно уходя в небо, сизый дымок.

Странно, но ведущая в избу дверь была заперта на засов, да еще – как видно, для верности – привалена большим мшистым валуном. Словно кого-то там, внутри, держали, чтоб не убежал.

Пока хмурые молодцы загоняли рабынь в приземистый, расположенный сразу за избой амбарец, Коростынь, подойдя к двери, стукнул:

– Эй, Митря, Кондей! Живы еще?

– Да покуда живы!

Донесшийся из избы, словно из ямы, глухой, с надрывом голос прервался утробным кашлем и харканьем.

– Ничо, парни! – успокоительно промолвил старшой. – Мы за вас помолилися. Посейчас еды вам дадим, вина зелена... да дев красных – ужо порадуетесь!

В избе кашляли:

– Да уж – с вином да девками и помирать веселей! Спасибо те, Коростынь, коли не обманываешь.

– Да что мне вас обманывать-то? Сами щас все и попробуете... вот-вот робяты еду готовят и...

Махнув рукой, Коростынь помочился на угол дома и, запростав порты, подошел к амбару. Вошел, оглядев дев, хмыкнул, одну – светленькую, что приглянулась, – схватив за руку, потащил с собой на гумно... Честно купленная рабыня – вот ведь тварь! – неожиданно принялась вырываться, даже попыталась расцарапать старшому щеки. Пришлось съездить ей по мордасам, от души съездить, так, что нос в кровь разбить. А уж потом...

Подхватив девчонку, старшой бросил ее на старую солому, одним рывком сорвал жалкую одежку, удар под дых и, спустив порты, принялся насиловать, рыча, словно дикий зверь. Невольница закрыла глаза и, казалось, уже не дышала...

– Померла, что ль, щучина? – Подтянув порты, Коростынь отвесил деве звонкую оплеуху, несчастная дернулась, застонала. – Ага, жива... Одевайся да за мной иди живо. Хотя... можешь и не одеваться... к чему уж... Ну? Что застыла, тварь?! Еще восхотела пинка получить?!

Пинков невольница явно не хотела, живенько накинула рубище, даже по пути пыталась утереть на лице кровь, да только еще больше размазала. У избы старшого и его только что использованную рабыню уже дожидались: дюжие молодцы и две связанные по рукам бедолаги невольницы.

– Управятся они с тремя-то? – засомневался кто-то из парней.

Коростынь глумливо осклабился:

– С этими-то дохлятинами? Да враз! Парни они еще сильные, хоть куда... Эй, Кондей, Митря! Принимайте подарки!

Отвалив камень, парни отодвинули засов и, распахнув дверь, втолкнули в избу девчонок да забросили мешок с едой и плетеной баклагой.

Изнутри послышался визг и довольное харканье:

– Ишь ты, не обманул старшой!

По знаку Коростыня парни проворно закрыли дверь, привалили камень.

– Ну, пушай теперь тешатся.

– А девки-то через окна не выскочат? – засомневался длинный, с вислыми усами, парняга.

– Не выскочат, Опонасе, не выскочат. Сами-то гляньте – тут едва кошке пролезть... Ну, все. – Старшой посмотрел на зависшее над мохнатыми елями солнце. – Уходим. Чай, и другие дела есть.

Сказав так, Коростынь оглянулся:

– Ты, Опонас, тут посиди, неподалеку. К ночи ближе дверь отворишь – и уноси ноги. Девоч не вздумай пробовать – про мор помни!

– Да что я, совсем уж дурной, что ли!

Простившись со своими сообщниками, Опонас тут же скушал изрядный кусок рыбного пирога, опростал пол баклаги квасу да завалился до ночи на гумне – спать. Проснулся вечером, уже темно было, подобрался тихонько к избе, стоны девичьи да довольные вопли послушал, ухмыльнулся, камень тихонечко откатил, вытянул засовец... Да подался поскорее к реке! Смерть лютая, мор – он прилипчив, не дай бог, привяжется! А Коростынь умен, верно все просчитал – куда ослобоненные девки кинутся – к людям, в рядок, он тут рядом. В лесу-то рабыням не выжить. Да и так-то, правду сказать, не жилицы они... С мором меченными кувыркали всяко – и в самих них теперь мор. А вскорости – и на рядке будет, и дальше, до самого Углича доберется, тако! А за то Коростынь деньжищи великие обещал... и ему обещал кто-то.

За такой-то куш можно и постараться, подушегубствовать... и за меньшее душегубствовали, прости, Господи, ага!

Ухмыляясь, Опонас спустился по круче к реке, вытащил спрятанный в камышах челнок, уселся, погреб, расстворясь во тьме теплой летней ночи.

Прав оказался Коростынь, все рассчитал верно. Ближе к утру обреченные на лютую смерть насильники утомились, повалились на лавки без сил, чем и не преминули воспользоваться несчастные юные рабыни. Выскочили из избы, чуть осмотрелись да побежали куда глядели глаза. Проплутав в лесу досветла, девчонки все же вышли к реке, да, таясь, зашагали по берегу, покуда не увидели «сволочей»-бродников. С ними беглянки и покушали, похлебали ущицы – как таких красавиц не угостить? – да пошли себе дальше, к рядку.

Не столь уж и далеке, в двух днях пути от Бродского рядка в сторону города Кашина, на околице большой – в пять усадеб – деревни, плакали-стенали бабы.

– Ой, Митенько-о-о-о... На кого ж ты нас покидаешь, Митяйко?

– Проша, Прошенька...

– Параскева...

– Ох, лихо, бабоньки, лихо!

Выли, рыдали, словно бы по покойникам – так покойники по избам и были – и настоящие, и будущие, на глазах вымирала деревня – чума! По той причине намертво стоял близ деревни отрядец воинский – окольчужены, при саблях вострых, молодцы на добрых конях – сторожили все пути-дорожки, подходы-выходы, зорко сторожили – мышшь не проскочит, птица не пролетит. Потому как строго-настрого князем великим указано.

– Ратнички-и-и, родимые, может, к кормильцу-то пропустите? Глаза на покое закрыть.

– Стоять! Кому сказано? Княжий приказ строгий – никого не пускать. Иль тебе, тетка, жизнь не дорога?

– Да кому они нужны, наши жизни?

– Князю великому нужны! Он вас и сберегает... ну, не вас именно, так других. Чтоб мор, смерть черная, от деревни той по всей Руси-матушке не пошел.

– Да, може, там не мор?

– Мор! То доподлинно князю известно.

Строго следили воины. Не пропускали. А кто из деревни выбраться хотел – тот стрелу грудью ловил, так что вскорости выбегать и перестали.

– Сожгут, говорят, деревню-то вой, – негромко произнес проезжавший мимо по шляху мужик верхом на сивой кобыле. Не из богатых, видать, мужик – неприметный, росточка низенького, с рыжеватою бороденкой. Лицо обычное, простоватое, однако глаза туда-сюда рис-

кали, видать, был-то мужичок себе на уме, хоть и в сермяжице, в колушке посконном, да и лошадка – одни ребра, копыта, да хвост.

– Неужто сожгут? – перестав голосить, оглянулася одна баба.

– Сожгут, сожгут, – деловито покивал всадник. – Онфимово, вон, сожгли. И Бахметьево.

– Надо же, – покачал головой стоявший рядом с бабою парень. – Неужель до Бахметьева уже мор добрался?

– Добрался, добрался... – услышал худой разговор ратник да, коня повернув, громыхнул кольчужкою. – Да на нем и остановился. Дале, на Кашин, не пошел. А то б было! Ты, человеце, проезжай себе дальше, неча тут людей смущать.

– Да я еду, еду, – затряс бородой мужичонка. – Чего я-то? Я ничего...

Отъехал подальше, спешился у плачущих баб:

– Почто, православные, горюете? Верно, в Одинокове у кого родичи есть?

– Да как не быть, родимец, коль это починок наш? Из нашей деревни выселки, почитай все и родичи там. Ой, говорят, и в Одинокове лихо...

– Тсс! – соседка живо ухватила товарку свою за руку, потащила. – Язык-то, Глукерья, прикуси. Не то, не ровен час, и Одинокovo ваше спалят!

– Ох... не спалили бы... Да и так – мнози уже болеют...

– Вот и молчи! Может, и не мор это вовсе, а обычная какая болезнь.

– Ой, бабоньки! – спешился мужичишка. – Сказать вам по правде, есть и от смертушки черной спасенье. Нехорошее, лихое, да есть.

Бабы враз наострили уши:

– А какое, мил человеце? Скажи!

– Да уж скажу. Просто надо этот черный мор передать кому-нить другому, чужому какому-нибудь.

– Дак как же его передать?

– В деревню-другую пойти, пока силы есть... А лучше уж сразу в город – в корчму. На миру, гряд, и смерть красна, да, глядишь, и выздороветь можно, болезнь свою теребени кабацкой да запойным питухам передать.

– Тьфу ты, Господи. – Одна из женщин, поплотней запахнув платок, сплюнула. – Разве по-христиански тако?

– Так теребень-то кабацкая, думаете, особенно верует? Хо!

– Слышь, Глукерья... С починка-то болезные пушай не в Кашин, пушай на Москву проберутся да там хворь свою передадут. Вражинам московским – ужо! Чай, рати-то московские помнишь? Как они тут все грабили, жгли, едва ведь тогда упаслися.

– Ой, подруженька! А ведь верно ты говоришь! Где там человеце-то?

Глянули бабы по сторонам, да никого и не увидали – мужичонка на сивой кляче дальше поехал себе болезных выискивать, недовольных подзуживать. За то уплачено было. Серебром звонким. Золотом.

С утра полило дождичком, а уже к полудню задул ветерок, разогнал облака-тучи, высветил небо синее солнышком радостным, ярким, умытым. Птицы вокруг запели, на плесе рыба в прозрачной воде заиграла, затрепетали на ветру стяги шелковые, златом-серебром шитые, с ликом Новгородской Святой Софии.

Струги великого князя Руси, вальяжно отчалив от берега, не спеша, один за другим, выстроились в линию да поплыли вниз по Сити-реке. Там по Мологе до Волги, по Шоше, по Тверце да через волок – до Мсты-реки, а там и Ильмень-озеро да Седой Волхов – господин Великий Новгород. Возвращался князь великий домой, с мором страшным, с чумой – черною смертию – справившись. Где пожег все, где установил сторожу строжайшую – так, чтоб мору-чуме не пройти. Вроде бы, слава Господу, справились, можно и домой. Радовались тому рат-

ники, со стругов на берега поглядывая, на сосны величественные, на ели, на дубки трехохватные, на клены да липы, на ивы да вербы, ракиты. На луга заливные, зеленые, с ромашками белыми, с розовым клевером, с желтыми мохнатыми солнышками – одуванчиками.

Последним княжеский струг отчалил – самый быстрый, легко всех догнать мог.

– Эх, – стоя на причале, прощался-горевал Арсений. – Может, я все ж, Федор-друге, в Новгород с вами уйду?

Федор – самого князя великого дьяк старший! – до просьбы Сенькиной снизошел:

– Да пойми ты, дурень, нельзя так. По закону надобно, чтоб хозяин твой сам тебя отпустил, иначе будешь беглым считаться – а за это наказание строгое есть.

– Да не отпустит меня дядько Кузьма... сгнобит, прибьет насмерть.

– Ну, насмерть-то не прибьет, закону такого нету! Я старосте сказал, чтоб за хозяином твоим приглядел.

Старший дьяк прикрыл серые очи, бородку темно-русую задумчиво потрепал – видать, вспомнил что-то, улыбнулся грустно, невесело:

– Я и сам когда-то на Белоозере у хозяина бедствовал. И ничего, в люди выбился!

– Так сперва, верно, сбежал? – хитро прищурился отрок. – Так ведь, друже Федор?

Дьяк недовольно потупился:

– Ну... пусть так. Но тогда времена другие были!

– Для сирых да нищих всегда плохие времена. Так не возьмете?

– Я сказал уже.

– Жаль... Ну что ж... тогда в Углич пробираться буду. Тут все равно не останусь, нет!

Проводив отплывающий струг, Сенька понуро уселся на мостки, свесил босые ноги в воду, так и просидел почти что до вечера, а наутро обратно пришел, уже хозяином, коновалом, изрядно побитый... и на второй день пришел, и на третий... Тоже вот так сидел, ногами болтал... покуда вдруг не увидел там же в воде – деву! Красивую – не оторвать глаз – очи серые, светлые волосы льются по плечам водопадом, а лицо... вот уж красота-то где есть, однако! И где? В реке! Русалка она, что ли?

– Парень, ты не с рядка, случайно?

– С рядка...

Обернулся Арсений – девчонка-то позади него, на мостках стояла – в воде отражалась. Славная такая девчонка, светлые глаза, щечки ямочками, только какая-то понурая, побитая, что ли... но ничуть не менее красивая, чем та, водяная!

– Тебя как зовут?

– Ирина... В честь святой Ирины прозвана, да, видно, не в масть.

– А я – Арсений, Сенькой тоже звать можно.

Господи! А губа-то разбита, будто кто-то сильный... наотмашь...

– Ты не ходи, Сенька, в рядок, там мор.

– Что?!

– Черная лихая смертушка. Я знаю!

– Да что ты можешь знать? – недоверчиво прищурился отрок. – Ты что, лекарь, что ли?

– А ты, можно подумать, лекарь?

– Не лекарь, да в море кое-что понимаю. Слушай-ка! Ты посиди тут немного, ладно? А я сбегаю гляну... Я быстро, ага?

Девчонка намертво ухватила парня за руку:

– Нет. Никуда тебя не пущу. Что там с тобою будет?

– Ничего плохого не будет, Христом-Богом клянусь! – быстро перекрестился Арсений. – Я просто посмотрю, я у лекаря немецкого в служках ходил, кое-что ведаю. Болезни не нахлебаясь, не боясь, а все, что увижу, о том надобно будет князю великому доложить!

– Князю? – Ирина изумленно хлопнула ресницами – длинными, пушистыми, черными. – Так давно ушли струги-то. Еще третьего дня.

– А мы, если что, нагоним, – обернулся с пригорка отрок. – Они по реке, а мы напрямик – тропками. Да и князь торопиться не будет – я чаю, по пути у него еще немало дел. А мы... – Сенька замялся. – Мы весть важную принесем. Правда – худую. Пойдешь со мной?

– Пойду! Хоть куда пойду... лишь бы не здесь, лишь бы...

– Вот славно как! Тогда сиди, дожидайся...

Пробежав по тропе вверх, к рядку, Арсений не выдержал, оглянулся, помахал девчонке рукой:

– Ты только меня дождись, слышишь!

Глава третья

Лето 1418 г. Кашинский удел

Сыск

– В Крутогорке мор, княже! И в Угланове – тож! – спешившись, доложил молодой десятник Иван Афанасьев сын, еще с утра во главе дюжины своих молодцов посланный князем по окрестным селеньям – в разведку.

Сидевший на мостках, по-простецки свесив ноги, Егор оторвал взгляд от золотисто-оранжевого заката, от подсвеченных солнцем облаков, медленно плывущих по темно-голубому небу, от светлых вод реки, перечеркнутых длинными тенями росших на том берегу сосен:

– В Крутогорке, говоришь? И в Угланове? Ай-ай-ай... мы ж недавно там все зачищали, и вот вам, на обратном пути – нате! – Поднявшись, князь покачал головой и прищурился. – К Кашину мор идет – так выходит?

Десятник не отвел глаз, кивнул:

– Выходит, княже, так.

– Да это и без твоих слов понятно! – вдруг осерчал Вожников. – Непонятно другое – с чего бы?

– Так, может, крысы...

– Может, и крысы... А если люди? – Взгляд князя внезапно наполнился тяжестью и вот-вот готовым прорваться гневом, как бывает, когда люди, которым веришь, на которых надеешься, вдруг не оправдывают этих самых надежд. – Вы что же народ-то не расспросили? Просто прокатились – по хорошей-то погоде, на лихих-то конях – в охотку! Я б и сам с удовольствием прокатился, уток бы пострелял. А? Что взор потупил? Я тебя спрашиваю, товарищ сержа... господине десятник! Отвечай!

– Так я и это... отвечаю, великий князь. – Справившись с волнением, воин подтянулся, живенько стерев ладонью грязное пятно на бахтерце – доспехе из вертикальных стальных пластин, соединенных промеж собой кольцами, нечто вроде куртки с короткими кольчужными рукавами и подолом. Для разведки, для рейдов – добрый доспех, не тяжел, удобен.

– Мы все ж поговорили, – спрятав обиду, вытолкнул из себя Иван. – И с косарями, и с обозниками, даже с пастухами – отроками малыми.

Вожников ухмыльнулся, передразнил:

– Молодцы – «с отроками малыми». И что вам эти отроки сказали?

– Что мор передать можно, – почесав щетинистый подбородок, угрюмо отозвался десятник.

– Ага! – Князь всплеснул руками. – То-то мы без них о суеверии сем подлом не знали, не ведали. Значит, и в Угланове, и в Крутогорку – мор кто-то принес! Что ж вы про чужих не спросили?

– Мы спросили, княже. – В светлых очах воина сверкнула возникшая вдруг уверенность. – Отроки те грили – бахметьевские ден пять назад приходили мириться. У них с Углановом да Крутогоркой вражда давняя – пастбище не могут поделить да заливной луг...

– Еще и орешник, – подсказал кто-то из воинов, смущенно переминавшихся с ноги на ногу за спиной своего командира.

– О! – издевательски расхохотался Егор. – Пастбище, заливной луг и орешник. У вас что – кадастровая экспедиция, землемеры хреновы?! Какая разница, из-за чего у них там вражда... главное, что вражда... И вдруг ни с того ни с сего бахметьевские пришли мириться? Ране о том не сговаривались?

– Не сговаривались, великий князь.

– Не сговаривались или вы об том не спрашивали?!

– Не сговаривались. – Иван, Афанасьев сын, вновь потупился, признался: – И мы не спрашивали... Просто пастушата сами сказали.

Князь дернул шеей:

– Пастушата – молодцы, а вы... А что Бахметьево – большая деревня?

– Большая, княже. В пять изб.

– Ну, хоть это знаете. Значит, что же – и там чума, и, надо полагать, давно... Эх, как же мы просмотрели! – Вожников задумчиво пнул ногой валявшийся на мостках камень. – Ладно, чего уж теперь. А обозные да косари вам что сказали? То же, что отроки?

– То же.

– Что ж... Ужинайте, и вперед. То есть – назад, – подумав, распорядился князь. – Возвращайтесь. Я так полагаю, пастушата и в ночь при стаде останутся. Вот и расспросите конкретно, уточните – как бахметьевские выглядели. Нездорово ли или, может, вообще кашляли да харкали кровью? А еще спросите: откуда вообще поверье-то пошло, что мор можно другим передать и тем самым от болезни своей избавиться? – Егор невесело хохотнул и прикусил губу. – Ишь, ухари бахметьевские... решили чуму врагам своим заклятым передать! Интересно, сами до того додумались или кто подсказал? Ежели подсказал, так надо выяснить – кто.

– Выясним, княже...

Махнув рукой, Егор милостиво разрешил воинам удалиться, да и сам отправился в разбитый на берегу шатер – спать. Стемнело. У плеса в серебристом свете луны маячили черные тени судов. Слышно было, как переключиваются караульные, даже – как всплеснула на плесе какая-то крупная рыба. На берегу, напротив стругов, горели костры, отражаясь в темной воде реки желто-красными дрожащими звездами. Пахло ухой, людским и конским потом, смолою. Коней по приказу князя везли с собой на специальных ладьях, немного, но чтоб лошади для небольших мобильных отрядов всегда под рукою имелись.

Егор уснул не сразу – голову переполняли заботы, необходимо было вновь устанавливать строгие карантинные – бороться с чумой жестоко и даже в чем-то бесчеловечно. А по-другому в эту эпоху – никак! Ни стрептоцида, ни других антибиотиков нету, способ один – выжигать заразу каленым железом, в прямом смысле слова выжигать: окружать зараженное селенье воинскими людьми, никого не впускать и не выпускать – ждать, покуда вымрут, а потом сжечь все к чертовой матери. Только так! Это с деревнями... В крупных же городах – выявлять и изолировать районы, улицы, даже отдельные дома – если выйдет. И в города, на рынки на зараженной территории никого не пускать, покуда мор не прекратится. Казалось, на этот раз как-то удастся обойтись без подобной не слишком-то полезной для экономики меры – ан нет, не обошлось! Кашин все же «закрывать» придется... слава Господу, около Углича, Твери, Ярославля мора пока еще нет – не пустили. А вот Кашин... Бахметьевские мужики ко врагам в ближайшие деревни пошли, а иные? Конечно, в город попрутся, по корчмам да на рынках чужаков заражать – кому-то болезнь «передать» надо.

Промаявшись в полусне почти до утра, Егор вскочил с первым проблеском солнца, немедленно отправив гонцов в Кашин со строгим наказом тамошнему удельному князю Василию Михайловичу, человеку обстоятельному, хозяйственному, во все дела удела своего вникающему. Таких бы поболее, так нет же – по большей части горлопаны князьки-то, родовитостью своей друг перед дружкой кичатся, гордецы чертовы. Ах, сменить бы их всех на верных воевод-губернаторов! Ничего, придет еще время...

Солнечное летнее утро началось резко, внезапно. Вот только что еще было темно, и вдруг зажглось, вспыхнуло алой зарею небо, вызолотились, загорелись вершины сосен, и теплый утренний свет быстро пополз вниз – по желтоватым липам, по кленам, осинам, вербе. Вот добрался до краснотала, до ив, отразившись в реке, высветил старую ветлу, заросли камышей,

папоротники. Весело защебетали по кустам птицы, замахали пестрыми крыльями бабочки, а над самой водой пронеслись синим прозрачным вихрем стрекозы. Над самым ухом спустившегося к стругам князя вдруг зажуужал шмель – обстоятельно так зажуужал, деловито, будто исполнял какое-то необходимое государственное важное дело.

Вот и Егор о делах вспомнил, выслал в рейд воинов похитрее – чтоб оружием да кольчужницами зря народ не пугали, в простую одежду их обрядил, в лапоточки, в рубахи посконные – артельщики, мол, каменщики да плотники, а кто – и художник, иконописец, типа вот как мастер великий Андрей Рублев.

Под художника секретарь, старший дьяк Федор, «работал», благо вид у молодого человека был как нельзя более благостный: собой тощеват, лицо худое, смуглое, а взор – светел.

Едва вои ушли, вернулись десятника Ивана Афанасьева парни, не намного, однако, и разминулись. Князь на них очи поднял:

– Ну?

– Были прелестницы, бабы две, – лихо доложил Иван. – Мы их утром, по-тихому, у реки прихватили, поспрашивали – признались сразу!

Вожников скривил губы:

– Попробовали б не признаться. Молодые бабы-то, красивые?

– Да ну – старухи, – презрительно отмахнулся десятник. – Лет по тридцати каждой – о душе уж не худо подумати.

– Ну, старушек-то этих вам, я чаю, не жаль... Пытали?

– Что ты, княже! – Поклонившись, Афанасьев размашисто перекрестился на развевавшийся над головным стругом стяг с изображением святой Софии. – Как можно? Бабы эти нам и так все рассказали, болтали, только успевай слушать! Не сами они про то, как мор передать, догадались – человеце один научил.

– Что за человеце? – тут же встрепенулся Егор.

– Собой невидный, роста небольшого, бороденка рыженька, рыжевата, посконный кожушок, постолы старые... – Воин поскреб бороду. – Лошадь при нем сивая, захребетная.

– Да ты не про лошадь, – рассердился князь. – Ты про мужика того говори! Кто таков, откуда?

Десятник понуро опустил голову и вздохнул:

– Не ведают того бабы. Просто как-то на перевозе вместих ждали, вот и... Да! Одна баба сказала – сильно мужичонка тот на сморчка похож. Ну, гриб такой есть.

– На сморчка, говоришь? – Вожников махнул рукой, отпуская воинов, и тут же подозвал вестовых: – Скажите к нашим, парни. К Федору и всем прочим. Скажете – искать мужичка верхом на сивой доходяжной кобыле. Особых примет нету, роста ниже среднего, бороденка рыжеватая. О смерти черной может рассказывать, избавленьем прельщать. Так прелестника сего, ежели выявлен будет, немедленно сюда к нам доставить. Живым!

Покивав, вестники ускакали, и Егор маялся почти до полудня: найдут – не найдут? Притащат – не притащат? Сердцем чуял: вот она, ниточка – мужичонка тот неприметный. Хотя, конечно, мог и так просто болтать, по глупости, от суеверия. Однако и это подлое дело все равно пресечь надобно! Так что надобно мужика того изловить.

В полдень, помолвившись, Вожников наскоро пообедал, после чего собрался было доехать до Кашина, в гости к местному удельному князю, да не успел – вернулся с докладом первый посланный в рейд отрядец, а за ним, почти сразу, и второй – с Федором.

Воины явились не с пустыми руками – притащили сразу пятерых мужиков вместе с кобылами. Все пятеро вполне подходили под описание – неприметные, низенькие, с рыжеватыми бороденками, в посконине. Кто в постолах старых, кто в сапогах залатанных, а кто и в лаптях. Каждый – при кобыле: две пегие, одна гнедая и три сивые.

Не обращая внимания на лошадиную масть, князь самолично побеседовал с каждым из пятерых. Двое отсеялись сразу – оказались свои, кашинские мужички, кои имели в городе и семьи, и свое – пусть и не особенно доходное – дело. Один лапти плел, другой торговал зеленью, кою на своем огородишке и выращивал.

Оба рассказали о себе честно и много, ни разу не запнулись, а по поводу «прелестных» речей заявили, что бес попутал – мол, слышали на перевозе от каких-то баб. За городом кашинцы оказались каждый по своему делу, вполне объяснимому и понятному: один отправился за лыком, второй – к знакомцу в недалёную деревню, за рассадой.

– Чеснок у него уж больно хорош – большой, с дольками крупными. Вот я и думаю – и мне б такой чеснок завести не худо.

– Так взял чеснок-то? – с усмешкой справился Вожников.

– Не, – зеленщик низехонько поклонился. – Не успел, господине, люди твои взяли прямо почти что у перевоза.

– Правильно взяли. Нечего языком болтать почем зря!

Услыхав такие слова, зеленщик упал на колени:

– Не вели казнить, господине!

Его землячок, лапотник, оказался вовсе не столь разговорчивым, можно сказать – молчун. На вопросы отвечал односложно, по большей части просто кивал либо отрицательно мотал головой, словно застоявшаяся на конюшне лошадь. Однако при себе имел оправдание – полный мешок с только что надраным лыком.

Эти двое кашинцев друг друга неплохо ведали. Не то чтоб приятельствовали или водили дружбу, но при встрече раскланивались – городок-то невелик, все промеж собою общались, пересекались не раз.

Трое других «прелестников» вызывали куда большие подозрения, все трое оказались неместными, двое мелких торговцев-коробейников, а один – перекаати-поле, артельщик-богомаз. Именно так, богомаз, – не иконописец, не художник.

– Язм, господине, красочку всякую растворяю, бывает, нашу, а чаще – из иных земель. Бывает – и позолоту. Растворю, приготовлю – где чего надобно подновить, где краска-позолота осыпалась – подрисую, подмажу.

По поводу черной смерти богомаз – звали его Михаилом – уверял, что не распространялся, а взяли его, потому как по приметам похож, да и лошаденка при нем сивая оказалась. Правда, по перевозам да по деревням Михаил не ездил – вот уже боле двух недель в месяце безвылазно и упорно трудился в Кашине, подновляя иконки в деревянной церквушке Фрола и Лавра, что мог подтвердить весь тамошний клир – начиная от приходского священника отца Никодима и заканчивая звонарем или певчими.

– Подтвердят – отпустим, – махнул рукой князь. – А куда посиди под сторожей. Посейчас-то у перевоза как оказался?

– В Клобуковскую обитель иду, отец Никодим благословил на заработки. А вы вот тут... Ох, господине, отпустите?

– Отпустим, сказал. Но пока посиди.

Обоих коробейников по деревням хорошо знали, оба там хаживали не раз, торгуя всякой мелочью – цветными картинками, лентами, стеклянными браслетиками и поддельными «греческими» застёжками, весьма популярными среди молодых сельских девок. Про чуму оба сболтнули по дурости – дабы поддержать разговор.

– Так что, княже, и этих отпустим? – почесал голову Федор. – Вроде как местные, и тропы торговые у них тут намяты – есть что терять.

Егор поднялся с походного кресла – допрос проходил на дальней, с выставленными часовыми полянке, – наклонился, сорвал травинку, сунул в рот, пожевал:

– Отпустим, отпустим... только не сразу, сначала проверим. Отправь парней по деревням, пусть узнают – правду ли коробейники молвят?

– Слушаюсь, государь!

Отпустив Федора, Егор прошелся по самой опушке: любовался с пригорка синей, с веселыми отблесками солнца, рекою, зарослями черной и красной смородины, ежевики, малины, росшими невдалеке радостными юными кленами, соснами... Хорошие сосны. Как говорят лесопромышленники – сортимент. Егору вспомнилась вдруг далекая, кажущаяся сейчас такой нереальной юность. Турниры по боксу, тренер, армия. Затем – институт, мрачные безденежные времена, лесная бригада... пилорама, затем – еще одна, два своих лесовоза, дом. Да было ли это? Или приснилось все? И бабка Левонтиха, колдунья с красочным сайтом, и снадобье ее, зелье...

– Будешь все наперед ведать, всякую для себя опасность, вред...

Вожников, в общем-то, все такое чувствовал, мало того – перед серьезной опасностью у него даже были видения: как все могло бы быть, ежели б не... Ежели б не осторожность, по принципу «знал бы, где упасть, соломки бы подстелил». Егор, где упасть, знал, спасибо бабке, верней, ее чертовому снадобью, благодаря которому – да еще по собственному разгильдяйству – Егор и оказался здесь, в самом мрачном Средневековье, которое давно уже переделывал на свой лад. Учреждал в городах транспортные сети по типу омнибусов – маршрутных такси, открывал издательства, выстраивал финансовую систему – общую для Европы, Руси и Орды. Все получалось пока, и, надо сказать, неплохо. Да и семья – жена любимая, дети... И все же, все же вспоминалось вот иногда, словно бы захлестывало волною. Дискотека в клубе, первый поцелуй, первая любовь – была ведь... была... Интересно, если б здесь не оказался, кем бы он, Егор Вожников, стал? Почти десять лет прошло – наверное, и там женился уже, семейство завел, к пилорамам да лесовозам в придачу открыл бы пару магазинчиков... депутатом, наверное, избрался... Ха! Депутатом. А тут-то он – великий князь, Ливонский курфюрст и император Священной Римской империи! Все европейские монархи – и юная ханша Айгиль в Золотой Орде – по струнке стоят, хоть, конечно, и строят, сволочи, козни. Дальним-то – французам, англичанам, испанцам – это не особо нужно, не шибко-то Егор в их жизнь вмешивается, а вот ближним, тому же Витовту, Ягайло, татарам – тохтамышевым сыновьям, всегдашним Витовта союзникам... Замышляют, замышляют, не могут не замышлять! А тамошние людишки верные – шпионская сеть! – при всем желании все знать не могут.

– Великий князь! – выглянув из-за елки, прервал княжи размышления часовой в обтянутом синим бархатом панцире – бригантине – новгородской (не хуже миланской или там нюрнбергской) работы, с коротким копьём, при палаше на украшенном бляхами поясе. Щеголь! На голове не шлем – украшенная пером каска. Во втором, Никиты Кривоноса, полку у всех такие каски...

Егор повел бровью:

– Что такое?

– Изволю доложить, великий князь, – вытянулся караульный. – Здесь невдалеке на лесной тропе задержаны двое неизвестных, парень с девкою. Парень – отрок молодой – говорит, что ты, княже, его знаешь.

– Знаю? – Вожников повел плечом. – Ну, допустим... Вы вообще, чего их взяли-то?

– Так к вашей ладье, великий государь, рвутся! – с возмущением пояснил воин. – Дело, мол, важное... Да если у всех сопленосых будут такие дела, то...

– Ладно, ладно, не обобщай. Благодарю за службу!

Милостиво кивнув часовому, князь все же бросил ему в спину:

– А задержанных все ж приведи. Взглянем.

Парня Егор узнал сразу – тощий, со смуглым лицом и непокорной соломенной шевелюрой, Сенька-Арсений из Бродского рядка, а вот девчонку видел впервые. Неплохая такая девочка, с виду лет шестнадцати, светловолосая, с серыми блестящими глазками. Милашка. Правда, одета... похоже, что в рубаху мужскую, едва-едва прикрывает расцарапанные коленки. Босая, как и кавалер ее, Сенька. И такая же побитая, на нижней губе да щеках ссадины...

– Не вели казнить, князь великий! – упав коленями в траву – воины караульные этак ненавязчиво подтолкнули, – взмолился отрок. – С вестью я важной, дозволю, скажу!

Вожников сплюнул и махнул рукой:

– Да говори уже. Вестник!

– Беда, великий государь, беда! У нас на Бродском рядке – смерть черная, мор! Больше десятка уже заболели... остальные меня не слушают, не хотят уходить.

– Точно – черная смерть? – Князь почему-то не особенно удивился, чего-то в этом роде он исподволь и ждал. – С обычной лихоманкой не путаешь? Впрочем, ты же, кажется, Амброзиуса Вирта, врача из Утрехта, ученик.

– Нет, нет, княже, не путаю! Кроме лихоманки – бубоны, а многие уже и кровью харкают. Она, она, господине, – черная смерть... Вы на меня так, государь, не смотрите – говорил же, я не болезный, упасть от мора умею. И руки мою, и сам, и рубаху новую надел...

– А старая, видать, на подружке твоей? Вон, дырка на дырке... Да встаньте вы уже с колен. На корни вон сядьте... вот так.

Удовлетворенно кивнув, Вожников посмотрел на девчонку:

– А ты-то, красавица, откуда? Тоже из Бродского рядка?

– Она не с рядка, она... – Сенька дернулся было объяснить, да князь так на него взглянул, что отрок тут же прикусил язык.

А Егор поощрительно кивнул девушке:

– Полагаю, ты про себя сама все расскажешь. Ой-ой... что краснеешь-то? Меня стесняться не надо, я – князь великий и император, всем вам, чады, заместо отца... или вместо доктора, а врачам лгать – себе же дороже выйдет. Ну! Говори, дочь, как звать тебя да откуда в рядке взялась, из какой такой земли?

– Ирина я... с Обонежской пятины, – тихо промолвила дева. – С погоста на Пашозерье.

– Ого, да мы с тобой земляки почти. Я чаю, погост-то – Софийского дома? – улыбнувшись, уточнил князь.

Ирина помотала головой:

– Нет, господине, не Софийского. Боярину одному принадлежит, немцу Антону Ванькину...

– Ха! Эко вы его лихо прозвали – Ванькин, – от души расхохотался Вожников. – Атониус Ван Эйк, старый балтийский пират и имперский рыцарь. Да-да, помнится, именно в тех местах я ему кое-какую землю и жаловал... Сам-то Ван Эйк там хоть раз был?

– Да появлялся разок. – Девушка неожиданно улыбнулась. – Весь такой важный, в плаще шелковом, на поясе меч, в ухе серьга золотая. Погостил денька три, осмотрел все, тиуна заместо себя оставил да уехал. С тех пор и не видали боле.

Князь хмыкнул:

– Ай-ай-ай, безобразник какой. Вижу, природа да покой ему не особо по праву пришилися. Ну да, ну да, моря там нет, городов – тоже, что в этакой-то глуши и делать?

– Не такая ж у нас и глушь, – обиженно поджала губы Ирина. – По лесам да урочищам народу хватает, да и чужих тоже. Мы ж на перекрестье – с Волги-Итиля к Новгороду... Купцы нахаживают. Вот тиун меня одному такому ордынцу купцу-татарину за долги и продал.

– И когда ж ты, малая, успела долгов наделать? – Егор укоризненно прищурился, пряча усмешку, вот-вот готовую сорваться с губ. – Небось, на красивую машинку кредит взяла? Ась? Да ладно, шучу, шучу... А вообще, это правильно – за невозвращенные кредиты в рабство.

А то многие ухари наберут по пять штук... Для экономики кредиты вообще – о двух концах палка. Особенно потребительские, на себя, любимого, по сути – в никуда... Значит, ты, малая, к работорговцу попала, так?

– Так, господине.

– А я, между прочим, строжайший указ против работорговли издал. А ты взяла да пода-лася в рабыни! Виновата! Ну, ну, не вздумай реветь... снова шучу я. Расскажи-ка лучше, что дальше было? У купца тебя купил кто-то?

– Ох, господине... купил... лучше бы умерла я!

Едва сдерживая слезы, Ирина поведала князю – а заодно и наострившему уши Сеньке, коего до того рассказами о собственной жизни отнюдь не баловала, – все, что случилось с нею после того, как торговец невольниками продал ее со скидкой некоему Коростыню. Ее и еще двух товарок, увы, уже, верно, умерших, после того как...

В этом месте несчастная девушка потупилась и покраснела, однако все же нашла в себе мужество продолжать дальше, особенно после того, как великий князь отправил слишком уж любопытного Арсения прочь, под присмотр караульных.

Вожников слушал внимательно, не перебивая, лишь кое-что пару раз уточнил.

– Нет, нет, господине, – помотала головой Ирина. – Думаю, Коростынь – это прозвище, кличка. А по имени-то его никто не называл. Но слушались все – беспрекословно.

– Значит, говоришь – телосложения плотного, сильный...

– На медведя чем-то похож.

– Глаза маленькие, широкие скулы, борода...

– Плешь еще. Прямо на макушке. Смешная такая, но тогда не до смеха было.

– Понятно... Так почему – Коростынь-то? А, скажем, не Плешак?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.